

Прозревший

Том I
Тени и руны

Беликов Михаил

Михаил Беликов

Прозревший. Том

I. Тени и руны

<https://litres.ru/74573329>

SelfPub; 2026

Аннотация

После аварии Кей теряет зрение в левом глазу — и начинает видеть то, чего не замечает никто вокруг.

В больничных коридорах движутся тени. Знакомые места хранят отголоски чужой боли. За повседневной жизнью огромной столицы проступает другая реальность, и с каждым днём Кейю всё труднее убедить себя, что это лишь последствия травмы.

Он пытается вернуться к обычной жизни: найти работу, наладить отношения с семьёй, снова почувствовать себя самостоятельным. Но встреча со слепой девушкой Ари даёт ему надежду понять происходящее. Она знает мир, который открылся Кейю. И знает, насколько он опасен.

У тех, кто готов помочь, есть собственные цели. Прежде чем довериться им, Кейю придётся разобраться, что именно он видит — и почему теперь видят его.

«Прозревший» — тёмное городское фэнтези о скрытой стороне привычного мира, хрупкости человеческих связей и цене чужого покровительства.

Михаил Беликов

Прозревший. Том

I. Тени и руны

Аннотация.

После аварии Кей теряет зрение в левом глазу — и начинает видеть то, чего не замечает никто вокруг.

В больничных коридорах движутся тени. Знакомые места хранят отголоски чужой боли. За повседневной жизнью огромной столицы проступает другая реальность, и с каж-дым днём Кею всё труднее убедить себя, что это лишь последствия травмы.

Он пытается вернуться к обычной жизни: найти работу, наладить отношения с семьёй, снова почувствовать себя самостоятельным. Но встреча со слепой девушкой Ари даёт ему надежду понять происходящее. Она знает мир, который открылся Кею. И знает, насколько он опасен.

У тех, кто готов помочь, есть собственные цели. Прежде чем довериться им, Кею придётся разобраться, что именно он видит — и почему теперь видят его.

«Прозревший» — тёмное городское фэнтези о скрытой стороне привычного мира, хрупкости человеческих связей и цене чужого покровительства.

Пролог.

Снова этот сон. Этот город.

Не тот, в котором он когда-либо бывал. Нет. И всё же, оказавшись там, Кей почему-то не удивился. Столько лет спустя, раз за разом видя это место, Кей бы не удивился ему и в реальности. За поворотом его ждала площадь. Вдоль неё есть лестница, что обязательно приведет его к воде, а высокая башня вдали видна почти из любой части города.

Он знал здесь каждый закуток. Такой родной, словно, он вернулся сюда после долгого отсутствия.

Широкая светлая улица. Знакомые дома, чьи фасады Кей успел разглядеть сотни раз. Под ногами лежал гладкий камень, тёплый от солнца. Он казался белым, но стоило посмотреть внимательнее, и в нём проступали тонкие золотые прожилки. Улица плавно спускалась между домами, затем устремилась через вычурные мосты, за ними через галереи.

Здания огибали холмы, дороги сменяли мостовые. Из стен неожиданно вырастали сады. С крыш свисали цветущие лозы, балконы терялись среди зелени, а между колоннами росли деревья, настолько старые, что трудно было понять, что появилось раньше — они или окружавшие их дома.

И всё это казалось правильным.

Никто не пытался отделить город от природы. Здесь не было ощущения, будто сначала построили улицу, а потом решили украсить её несколькими деревьями. Растения были

частью города. Их корни уходили под лестницы, ветви создавали тень над площадями, вода из небольших каналов питала сады, а стены иногда расступались перед огромным стволом, словно архитектор когда-то просто решил: дерево останется здесь.

Повсюду была вода. Она стекала тонкими потоками вдоль улиц, журчала в неглубоких каналах, падала с высоких террас. Где-то впереди шумел огромный водопад, чей шум было слышно задолго до того, как его можно было увидеть.

Кей вышел на площадь и остановился.

Город раскрывался перед ним на многие километры. Поднимался по склонам огромными светлыми ярусами. Арки стояли над арками. Мосты пересекали другие мосты. Прекрасные резные колонны украшали многие здания в округе. Между башнями висели тонкие переходы, настолько высокие, что люди на них казались точками.

А ещё дальше, на холме над всем этим, возвышалось огромное здание.

Не дворец. Не храм.

Кей не знал, как его назвать.

Оно было слишком большим, чтобы принадлежать одному человеку, и слишком живым, чтобы казаться памятником. Светлые башни тянулись вверх, сходясь вокруг тонкого лазурного сияния. Казалось, где-то внутри этого сооружения горит холодное солнце.

Кей долго смотрел на него.

Странное чувство не покидало его.

Он знал это место. Не здание — сам силуэт.

Будто видел его сотни раз, только никак не мог вспомнить где.

Мимо прошла смеющаяся девушка.

На ней было длинное светлое платье с золотой вышивкой, поверх которого она накинула короткую тёмную куртку. В руках девушка держала небольшой прозрачный предмет и что-то быстро говорила в него, улыбаясь невидимому собеседнику.

Следом пробежали дети. Впереди было двое. Ругаясь и смеясь одновременно, за ними бежали остальные.

Люди здесь вообще много смеялись.

Кто-то сидел в открытых кафе под арками. Кто-то спорил возле фонтана. Музыкант играл на странном инструменте, похожем одновременно на несколько знакомых Кею вещей и ни на одну из них. Пожилой мужчина кормил птиц у воды. Молодая пара целовалась на ступенях. Рабочие что-то ремонтировали на крыше соседнего здания и громко перекрикивались.

Наверное, именно это поражало больше всего - город был прекрасен, но никто вокруг не относился к его красоте как к чуду.

Для них это был просто дом.

Кей пошёл дальше.

На одной из улиц ему встретилась высокая статуя женщи-

ны. В одной руке она держала сферу, другую протягивала вперёд. Лицо её было спокойным.

У подножия росли цветы.

Кей почему-то задержался возле неё.

На камне была надпись, но прочитать её он не смог. Буквы казались знакомыми. Он почти понимал их. Стоило сосредоточиться — и смысл ускользал.

Тогда Кей заметил трещину.

Совсем маленькую.

Она шла через основание статуи и исчезала под цветами.

Ничего особенного — просто старая трещина.

Кей уже хотел идти дальше, когда земля едва заметно дрогнула.

Люди вокруг даже не остановились.

Кто-то продолжал смеяться. Где-то звенела посуда. По мосту медленно двигалось устройство, которую Кей бы назвал самоходной грузовой машиной. Вода всё так же стекала по белым ступеням.

Кей поднял голову.

Небо темнело.

Сначала он решил, что солнце просто скрылось за облаками.

Но тень продолжала наползать стремительно.

Она пожирала голубизну от горизонта к горизонту, и вместе с ней менялся сам город. Белый камень становился серым. Золотые прожилки гасли. Вода теряла блеск.

Кто-то рядом тоже посмотрел вверх.

Потом ещё один человек.

Смех оборвался не сразу. Он исчезал постепенно, словно город один за другим забывал свои звуки.

И тогда небо вспыхнуло.

Красным.

Вспышка была такой яркой, что на мгновение весь город превратился в чёрный силуэт.

Через секунду вспыхнуло снова.

И снова.

Десятки. Сотни рваных багровых всполохов разрывали темноту, отражались в окнах, в каналах, в испуганных глазах людей. Они возникали повсюду — злые, короткие, ослепительные.

А потом пришёл гром.

Нет.

Не гром.

Взрывы.

Первый удар сотряс землю так, что Кей едва устоял на ногах.

Второй пришёл почти сразу.

Потом третий.

А затем считать стало невозможно.

Город содрогнулся.

Стекло дождём посыпалось с верхних этажей. Где-то рухнула часть моста. Люди закричали и бросились бежать, но

бежать было некуда. Взрывы звучали со всех сторон, сливаясь в непрерывный грохот.

Кей снова посмотрел вверх.

И увидел птиц.

На одно безумное мгновение ему действительно показалось, что это птицы.

Десятки огромных чёрных силуэтов неслись над городом.

Только они не взмахивали крыльями.

Железные. Угловатые. Чужие.

Они прорезали небо с таким рёвом, что он чувствовался внутри тела. Один пронёсся прямо над площадью, заслонив собой багровый свет, и через несколько мгновений впереди взметнулся огонь.

Башня исчезла.

Просто исчезла.

Там, где секунду назад стояло здание, в небо поднималось облако камня, пыли и пламени.

Кей побежал.

Он не знал куда.

Все бежали.

Женщина с цветами лежала возле стены. Корзина перевернулась. Белые цветы были разбросаны по камням, и один за другим люди в панике топтали их.

Кто-то звал ребёнка.

Кто-то кричал, чтобы все уходили с площади.

Кто-то просто кричал.

Кей увидел ту самую статую.

У неё больше не было головы.

Ещё один удар.

Кея бросило на землю.

Несколько секунд он ничего не слышал. Мир стал глухим.

Остался только тонкий звон в ушах.

Кей поднялся на локтях.

Горел город.

Тот самый город, по которому несколько минут назад он шёл, думая, что ничего прекраснее никогда не видел.

Теперь его здания кричали.

Без голоса.

Рваными проёмами вместо окон. Обрушенными стенами. Изломанными арками. Оголёнными внутренностями комнат, в которых ещё стояла мебель.

Огонь перебрасывался с крыши на крышу.

Чёрный дым закрывал небо.

Кей увидел людей.

Лучше бы не видел.

На светлом камне было слишком много красного.

Кто-то полз. Кто-то пытался поднять другого. Кто-то стоял посреди улицы и смотрел на собственные руки так, словно не понимал, почему они в крови.

Кей хотел помочь.

Кому-нибудь.

Первому, до кого сможет добраться.

Но не успел.

Раздался ещё один удар.

А потом...

Всё закончилось.

Просто закончилось.

Кей лежал на камне и ждал следующего взрыва.

Его не было.

Не было рёва железных птиц.

Не было криков.

Даже огонь словно перестал трещать.

Тишина.

Такая звенящая, что Кей слышал собственное дыхание.

Вдох.

Выдох.

Вдох.

Он медленно поднялся.

Перед ним лежал мёртвый город.

Вдалеке ещё горели здания. Дым огромными столбами уходил в чёрное небо. Там, где возвышались башни, теперь зияли пустоты.

Но ничего больше не происходило.

Кей сделал шаг.

И слышал звук.

Очень далёкий.

Тихий.

Сначала он решил, что это ветер.

Потом — что снова заработал один из водопадов.

Но звук становился громче.

Ни на что не похожий низкий гул.

Кей повернулся и увидел её.

На горизонте стояла стена.

Серая.

Огромная.

Сначала он даже не понял, на что смотрит.

А потом она приблизилась.

Вода.

Она была выше домов.

Выше мостов.

Выше всего, что ещё осталось стоять.

Волна шла на город.

Без гнева. Без ненависти. Без торжества.

Ей было всё равно.

Кей смотрел, как она приближается, и почему-то не мог пошевелиться.

После всего, что произошло, никто уже не бежал.

Может быть, просто некуда было.

Волна ударила в дальние кварталы. Здания исчезали под ней одно за другим. Башни ломались. Мосты срывало с опор. Деревья, камни, обломки — всё смешалось в одной серой массе.

Кей попятился. Потом побежал. Хотя уже знал, что не успеет. Никогда не успевал прежде.

Гул превратился в рёв.

Он обернулся в последний раз.

Перед ним больше не было города. Была только вода.

Его сдавило и закрутило.

Холодно и больно.

Невозможность вздохнуть.

Не было ни верха, ни низа. Вокруг метались обломки, камни, ветви. Что-то ударило его по спине. Кей пытался гре-сти, пытался вынырнуть, но течение снова и снова утаскива-ло вниз.

Лёгкие горели.

Он раскрыл рот. Вода хлынула внутрь.

Кей задышался. Воздуха не было.

Только холод.

Давление.

Темнота.

И вдруг Кей резко сел на кровати.

Он судорожно вдохнул.

Ещё раз.

И ещё.

Несколько секунд Кей не понимал, где находится.

Он смотрел перед собой, хватая ртом воздух, пока из тем-ноты постепенно не начали проступать знакомые очертания.

Стена.

Шкаф.

Стол.

Окно.

Его комната.

Кей посмотрел на руки – они дрожали.

Он провёл ладонью по лицу и почувствовал влагу.

На секунду внутри всё оборвалось.

Кей посмотрел на ладонь.

Вода?

Нет.

Просто пот.

Он медленно выдохнул.

За окном шумел город.

По мокрой улице проехала машина. Где-то далеко раздался сигнал. На фасаде соседней высотки вспыхнула реклама, на несколько секунд залив комнату холодным светом.

Кей посмотрел в окно.

Серые дома.

Окна.

Огни.

Дороги.

Обычный город. Серый, унылый, безликий и пустой.

Его город.

Он лёг обратно и закрыл глаза.

И сразу увидел белые башни.

Цветы на ступенях.

Женщину с корзиной.

Багровое небо.

Стену воды.

Кей открыл глаза.

Больше в ту ночь он не уснул.

Глава 1.

Утро у Кея не задалось.

Дождь, всю ночь стучавший по наружному отливу, к рассвету только усилился. За окном серели соседние высотки; их верхние этажи растворялись в низкой облачности. Кей потянулся за телефоном, посмотрел прогноз и положил его обратно. До самого вечера вдоль экрана тянулись одинаковые значки дождя.

— Замечательно.

Он сел на краю кровати и потёр лицо ладонями. Спать хотелось так, словно он только что лёг.

В санузле пахло сыростью. Между раковиной, унитазом и тесной душевой кабиной оставалось ровно столько места, чтобы развернуться, не задев чего-нибудь локтем. Кей пустил воду, подождал, пока она станет хотя бы прохладной, и несколько раз плеснул себе в лицо.

Из зеркала на него смотрел худой светловолосый парень с тёмными кругами под глазами. На одной щеке отпечаталась складка наволочки. Волосы торчали во все стороны, особенно на затылке, где за ночь образовался упрямый вихор. Кей намочил ладонь и пригладил его. Вихор ненадолго покорился, затем медленно поднялся снова.

— Да и ладно.

Закончив утренние процедуры, он вернулся в комнату. Первым делом стоило поднять кровать. Механизм скрипнул, матрас исчез в стенной нише, и освободившееся место сразу сделало жилище чуть просторнее.

Четыре на четыре метра. В объявлении это называлось компактной квартирой с продуманной организацией пространства. Кей предпочитал другое определение: собачья конура.

Вдоль одной стены помещались узкая кухонная столешница, мойка и плитка на две конфорки. Напротив откидывался из стены стол; его приходилось убирать каждый вечер, прежде чем опустить кровать. Даже стул был складным. Иногда Кею казалось, что однажды хозяин предложит складываться и ему самому — для удобства хранения.

Пока грелась вода, он натянул серые джинсы и белую футболку. Ворот зацепился за подбородок, и Кей с раздражением дёрнул ткань вниз.

Взгляд скользнул по фотографии, приткнувшейся на полке между коробкой с проводами и старым учебником. Они с друзьями стояли на ступенях техникума, щурились на солнце и показывали фотографу дипломы. Два года учёбы остались позади. Кто-то в последнюю секунду толкнул Кея в плечо, поэтому на снимке он получился вполоборота, с открытым ртом и совершенно дурацкой улыбкой.

Он помнил, как они тогда смеялись. А вот из-за чего — уже нет.

Вода закипела.

На завтрак нашлись два ломтя сухого хлеба и кусок сыра с потемневшими краями. Кей положил сыр на хлеб, заварил бледное подобие чая и съел всё стоя у столешницы. Стол ради такого завтрака можно было не раскладывать.

У двери он проверил карманы, подхватил потрёпанную серую куртку. На рукаве остался вчерашний грязный след; Кей провёл по нему пальцем - только размазал. После чего вышел.

На площадке стоял сосед.

Старику было лет семьдесят, может, немного больше. Кей видел его почти каждый день, здоровался, иногда придерживал дверь, но имени так и не узнал. Спросить теперь, после стольких встреч, было почему-то неловко.

— Доброе утро.

Сосед обернулся и улыбнулся — охотно, словно ждал именно его.

— Доброе, доброе. На работу?

— Угу.

Кей нажал кнопку лифта. Она не загорелась.

— Опять, — сказал старик, и улыбка у него погасла. — Я уже вызвал. Обещали скоро прислать мастера.

Кей ещё раз нажал кнопку, хотя прекрасно понимал, что это ничего не изменит.

— Скоро — это они любят.

— Может, подождёшь немного?

Он посмотрел на время.

— Не могу. И так впритык.

Старик понимающе кивнул, но от двери лифта не отошёл.

За дверью лестницы пахло бетоном и застоявшимся воздухом. На стене чернела цифра: 63.

Кей вздохнул и начал спускаться.

На шестидесятом этаже он ещё мысленно ругался. На пятьдесят пятом перешёл на короткое бормотание. Потом просто шёл, держась за перила и стараясь не считать пролёты. Такое случалось достаточно часто, чтобы перестать удивляться, но недостаточно редко, чтобы перестать злиться.

Главное — не опоздать.

День тянулся невыносимо долго.

Кей обслуживал станции мобильной связи, оборудование на вышках и сетевые коммуникации — всё то, о существовании чего обычно вспоминали, лишь когда оно переставало работать. Сегодня вспоминали часто. Один вызов сменял другой: мокрые шкафы, неисправные блоки, пропадающий сигнал. К обеду отсырели рукава, к вечеру усталость стала такой привычной, что он замечал её только тогда, когда приходилось снова вылезать из машины.

Недосып давил на глаза.

Последняя заявка привела его к станции за лесным массивом на юго-западной окраине города. Когда Кей наконец убрал инструменты, ему хотелось только одного: добраться

домой, разложить кровать и упасть.

Дом оставался далеко на северо-востоке, на другом берегу реки. Ещё предстояло вернуться в город, миновать деловой центр, исследовательские кварталы и выбраться в жилые районы.

Он бросил сумку на соседнее сиденье и захлопнул дверцу. Дождь не утихал.

Дворники с натужным скрипом сгоняли воду, но стекло сразу затягивало новой рябью. По обеим сторонам технической дороги стоял глухой лес. В свете фар блестели стволы, мелькали кусты и низкие ветви.

Из полумрака надвигающейся ночи выступил указатель: «До 01 — 30 км».

Кей пролетел мимо.

Тридцать километров только до города. А там ещё через весь город.

Он прибавил скорость.

По пути сюда ему не встретилось ни одной машины. Кто вообще поедет в лес в такую погоду? Дорога обслуживала разбросанные за городом технические объекты, а рабочий день давно закончился.

На прямом участке Кей сильнее нажал на газ.

Обочины смазались. Вода под колёсами зашумела громче.

Тень появилась справа.

Большая. Слишком большая для куста, качнувшегося от ветра.

На мгновение фары выхватили длинные ноги и тяжёлое тёмное туловище.

Лось?

Откуда здесь лось? Их же почти всех...

Кей рванул руль.

Машина ответила не сразу. Сначала будто продолжила идти прямо, потом заднюю часть резко потянуло в сторону. Кей попытался выровнять её, но дорога уже уходила из-под колёс.

Надо же было тебе выскочить именно сейчас.

Кто-нибудь потом назвал бы это судьбой. Кей в судьбу не верил. Глупое суеверие, пережиток времён, когда любой случайности требовалось объяснение свыше.

А затем что-то с чудовищной силой ударило в бок.

Его швырнуло на ремень. Металл смялся с оглушительным треском. Фары высветили землю, потом деревья, потом снова землю. Машину перевернуло. Ещё раз. Кей уже не понимал, где верх; только чувствовал удары, каждый из которых будто приходился прямо в голову.

Стекло разлетелось брызгами. Осколки смешались с кровью и дождевой водой, хлынувшей в разбитое окно.

Последний толчок выбросил автомобиль на обочину.

Всё остановилось.

Сначала Кей слышал только дождь.

Что-то тихо потрескивало рядом. По щеке текло. Он по-

пробовал поднять руку, но не смог понять, сдвинулась ли она вообще.

Во рту стоял вкус крови.

Надо было найти телефон.

Позвонить.

Он попытался повернуть голову. Боль вспыхнула так резко, что на несколько мгновений исчезли и звуки, и тусклые очертания салона.

Когда мир вернулся, неподалёку уже стояла другая машина.

Кей не слышал, как она подъехала. Сквозь разбитое окно были видны часть дороги, большое колесо и гладкий тёмный бок дорогого автомобиля. Совсем не такого, какие обычно встречались возле обслуживаемых им станций.

Открылась дверь.

Женщина вышла не спеша.

Кей видел её урывками: шаг, тёмные волосы, смуглую руку. Он попробовал позвать, но из горла вырвался только слабый хрип.

Дождь вдруг стал тише.

Ещё несколько капель упало с искорёженной крыши. Потом и они перестали звучать.

Незнакомка приблизилась и наклонилась к разбитому окну. Она была молодой и такой красивой, что Кей на мгновение забыл, почему лежит здесь и отчего ему так больно.

За её спиной расходились тучи.

Низкое вечернее солнце выглянуло в просвет, коснулось чёрных волос, очертило золотом плечи. Кей щурился, пытается разглядеть лицо, но свет расплывался, окружая девушку тёплым сиянием.

Богиня рассвета.

Почему рассвета, если уже вечер?

Он, должно быть, произнёс это вслух.

Незнакомка рассмеялась. Негромко, с явным удовольствием.

— Давно меня не называли богиней.

Она чуть склонила голову, разглядывая его.

Кей хотел попросить о помощи. Хотел сказать, что не может пошевелиться. Губы дрогнули, но слова не вышли.

— Ну что ж, посмотрим... — сказала она..

Свет погас.

В следующий раз Кей очнулся от чужого голоса.

— ...слышите меня?

Он попытался открыть глаза. Получилось или нет — было непонятно. Впереди плавало мутное светлое пятно, и временами его заслоняла тень.

Под затылком чувствовалась подушка.

Это было первое, что он смог осознать достаточно ясно.

Потом пришли запахи: что-то резкое, чистое, незнакомое. Сухость во рту. Давление вокруг головы.

Кей медленно поднял руку. Пальцы коснулись бинтов.

— Не трогайте. Вам сейчас лучше лежать спокойно.

Руку осторожно отвели.

Он сглотнул. Горло отозвалось болью.

— Где...

— В больнице. Вы попали в аварию.

Авария.

Дождь. Дорога.

Что-то ещё, совсем близкое, на мгновение шевельнулось в памяти и исчезло прежде, чем он успел за него ухватиться.

— Вас нашли на трассе, — продолжал голос. — Женщина вызвала скорую и спасателей. Они достали вас из машины и привезли сюда.

Кей старался слушать, но слова приходили с задержкой, словно говорили издалека.

— Женщина?

— Да. Назвалась Авроэль.

Имя ничего ему не сказало.

— Она... здесь?

— Нет. К сожалению, контактов она не оставила.

Кей хотел спросить ещё что-то. О глазах. О том, почему почти ничего не видит. О собственной голове, которая казалась огромной и чужой.

Но удержать мысль уже не получалось.

Голос продолжал звучать рядом, всё тише, всё дальше.

Кей снова потерял сознание.

Потом он снова очнулся.

И ещё раз.

Между этими пробуждениями что-то происходило: его куда-то везли, просили повернуть голову, светили в глаза, задавали вопросы. Кей отвечал, не всегда понимая, о чём его спрашивают. Иногда ему казалось, что один и тот же разговор повторяется несколько раз. Иногда — что между двумя словами собеседника успел пройти целый день.

Постепенно из этого мутного тумана начали проступать отдельные вещи.

Трещина в потолке, похожая на тонкую ветку. Стакан на тумбочке. Скрип колеса у тележки, которую каждое утро провозили по коридору.

Дни складывались в недели.

Правым глазом Кей видел почти как прежде. Левым — что-то другое.

Сначала он не мог подобрать этому объяснения. Очертания предметов расплывались, свет мешал, расстояния обманывали. Стоило повернуться, и край тумбочки оказывался ближе, чем он ожидал. Кей несколько раз промахнулся мимо стакана, прежде чем привык брать его, чуть разворачивая голову.

Но хуже всего были тени.

Они появлялись там, где им нечего было делать.

Вокруг головы медсестры колыхалось что-то тусклое, неровное, словно за ней тянулся дым, которого не касался

воздух. У врача, приходившего по утрам, над плечом иногда проступало тёмное пятно. Кей пытался рассмотреть его, и оно исчезало — или просто становилось неотличимым от складок халата и дверного проёма.

Однажды по пустой палате что-то скользнуло от окна к стене.

Кей резко повернул голову.

Ничего.

Только стул, батарея и светлый прямоугольник на полу.

Он закрыл левый глаз. Потом правый.

Повторил.

После этого долго лежал неподвижно, прислушиваясь к шагам в коридоре.

О странном зрении он сказал во время очередного осмотра. Попросил объяснить, почему видит движение там, где никто не ходит. Врач задал несколько вопросов, что-то записал и велел сообщать, если это повторится.

Повторялось.

Кей сообщал всё реже.

О самом глазе с ним поговорили позже, когда он уже мог сесть на кровати и выдержать разговор, не проваливаясь в сон.

Врач объяснял долго и осторожно. Кей слушал, глядя на его руки. У того был коротко подрезан ноготь на большом пальце и едва заметный след от кольца.

Повреждения слишком серьёзные.

Восстановить зрение не получится.

То, что глаз сохранили, уже можно считать хорошим результатом.

— А заменить? — спросил Кей.

Врач ненадолго замолчал.

Пересадка от донора существовала. Её делали в специализированных центрах, после обследований, подбора и согласований. Затем врач назвал примерную стоимость.

Кей даже не сразу понял число.

— Это... за всё?

Оказалось, не за всё.

Он опустил взгляд на край одеяла.

Такой долг выплачивал бы не только он. Его дети успели бы состариться, прежде чем банк перестал бы напоминать о спасённом глазе их отца.

— Понятно, — сказал Кей.

Больше вопросов у него не было.

Родители приходили несколько раз.

Кей узнавал их ещё по голосам за дверью. Мать говорила тихо, отец отвечал коротко, вполголоса. Услышав их, Кей закрывал глаза и старался дышать ровно.

Рядом осторожно придвигали стул.

Мать поправляла одеяло, хотя оно и без того лежало нормально. Иногда касалась его руки. Отец стоял чуть поодаль; Кей слышал, как под его весом поскрипывал линолеум.

— Пусть поспит, — говорила мать.

Он ждал, когда они уйдут, и лишь потом открывал глаза.

Каждый раз собирался не делать этого в следующий.

В день выписки отец пришёл один.

Кей уже сидел на кровати, одетый, с выданными бумагами на коленях. Притворяться было поздно.

Отец остановился в дверях.

Кей поднял глаза. Те же светлые волосы, только коротко подстриженные и аккуратно уложенные. Те же ярко-зелёные глаза. С возрастом их сходство становилось всё заметнее — особенно когда оба хмурились. Сейчас, впрочем, хмурился только Кей.

Он попытался прочитать что-нибудь по отцовскому лицу. Недовольство. Упрёк. Знакомое «ну что, доволен?».

За последние недели Кей столько раз представлял этот разговор, что мог бы провести его за двоих.

Сначала отец осмотрит его. Потом покачает головой. Скажет, что упрямство ещё никого до добра не доводило. Что в двадцать пять лет пора научиться отвечать за свои поступки.

Безответственный болван.

Так он говорил и раньше. В детстве — когда Кей лез туда, куда не следовало. Позже — когда спорил. В последний раз — когда собирал вещи, чтобы уйти из дома.

Теперь оставалось дожидаться главного.

Ну что, наигрался в самостоятельность?

Кей сжал край бумаг.

Отец посмотрел на него, перевёл взгляд на пакет у кровати и тяжело вздохнул.

— Поехали домой.

Кей поднял голову.

Отец уже развернулся к двери.

— Как только придёшь в себя — будешь работать у меня в конторе.

Вот и всё. Даже спрашивать не надо.

— А моя работа?

Отец остановился.

— Тебя уволили.

Несколько мгновений Кей смотрел ему в спину.

— В смысле?

Тот повернулся.

— В прямом. Остальное потом обсудим.

— Подожди. Как уволили? Я же...

Он осёкся, не понимая, чем закончить.

Я же здесь лежал.

Будто отец этого не видел.

— А деньги? У меня на карте...

— Банк списал всё, что было, в счёт ремонта служебной машины.

Кей медленно положил бумаги на кровать.

— Всё?

— Всё.

В коридоре загремела тележка. Кто-то попросил придер-

жать дверь.

— И в квартиру возвращаться не надо, — добавил отец.
— Ты просрочил платёж. Хозяин тебя выселил.

Кей смотрел на него, ожидая продолжения. Должно было найтись что-то ещё. Какая-нибудь деталь, после которой происходящее наконец приобретёт разумный вид.

Отец потёр переносицу.

— За вещи не волнуйся. Я забрал.

Кей опустил руки между коленями и сжал кулаки.

Ему захотелось сказать, что он никуда не поедет. Что сам разберётся. Позвонит, поговорит, потребует объяснений. Что нельзя вот так войти и за полминуты сообщить человеку, что от его жизни остался пакет возле больничной кровати.

Пальцы сжались сильнее.

Отец ждал.

Ничего не изменилось. Отец, как и прежде, решает всё за него сам.

Кей посмотрел на пакет. Потом собрал бумаги, неловко поднялся и пошёл к двери.

В машине пахло знакомо: обивкой, кофе и чем-то ещё, чему Кей никогда не знал названия. Этот запах был здесь всегда.

Он сел справа от отца, пристегнулся и повернулся к окну. Мимо поплыли больничные корпуса, шлагбаум, остано-

ка с людьми под длинным козырьком. Город жил так, словно ничего не произошло. Кто-то бежал через дорогу. Двое спорили возле припаркованного фургона. Женщина на остановке наклонилась к ребёнку и поправила ему капюшон.

Отец включил радио.

— Добрый вечер. В столице шесть вечера. К новостям. Вчера Марек Вард выступил с заявлением по поводу вновь вспыхнувшего локального конфликта в сорок восьмом секторе. Он в очередной раз осудил миграционную политику местного управления, на фоне которой в город продолжают прибывать сотни беженцев.

Отец перестроился в соседний ряд.

— По словам Варда, затяжная война на западе не может служить основанием для бесконтрольного въезда в страну. Более эффективным решением он назвал организацию гуманитарной помощи на границе, а также активное дипломатическое участие в урегулировании конфликта между Анорой и Длианом.

— Дипломатическое, — проворчал отец. — Чёрт бы тебя побрал. Только и умеешь, что языком молоть.

Кей не ответил.

На стекле отражалась часть его лица. Он чуть повернул голову, и отражение ушло, уступив место длинному ряду зданий.

Диктор перешёл к следующей новости.

До самого дома они больше не разговаривали.

Раньше Кей никогда не считал родительский дом особенно богатым.

Обычная стоэтажная башня на западном берегу, у самого края жилых районов. Лифтовый холл, коридор, знакомая дверь.

От больницы добрались быстро. Лес тоже был недалеко, а вместе с ним — та дорога, о которой Кей старался не думать.

Когда он съезжал, жильё искал как можно дальше отсюда. Будто расстояние могло что-то доказать. В конце концов, нашёл свою лачугу на другом конце города и был вполне доволен тем, сколько времени занимала дорога до родителей.

Теперь, переступив порог, он невольно остановился.

Здесь было куда поставить ноги.

Можно было снять куртку, не задев локтем кухонный шкаф. Пройти через прихожую, не обходя стул. Из просторной гостиной поднималась лестница на второй уровень квартиры; дальше находилась кухня, где столу не требовалось исчезать в стене, чтобы кто-то мог лечь спать.

Три спальни. Две ванные. Даже отдельная кладовка.

После его шестнадцати квадратных метров всё это казалось неприличной роскошью.

Наверху скрипнула ступенька.

Рика стояла у перил в огромном сером балахоне, почти скрывавшем кисти рук. Чёрные волосы с фиолетовыми прядями падали на лицо. В ушах поблёскивали кольца и мелкие

металлические штанги.

Кей поднял на неё глаза.

Она смотрела несколько секунд. Взгляд задержался на его лице, потом скользнул к пакету в руке.

— Явился.

Кей скривился.

— И тебе привет, любимая сестрёнка.

Но Рика уже отвернулась.

Громко хлопнула дверь.

Кей ещё немного постоял, глядя на пустую лестницу.

Отец прошёл мимо него, положил ключи на тумбу.

— Твою комнату прибрали. Там всё на своих местах. Вещи тоже уже отнесли.

Кей ничего не сказал.

Пакет он поставил на пол. Снял куртку, бросил у входа, стянул ботинки, помогая себе носком одной ноги снять другой, и пошёл вверх.

Дверь в его комнату была приоткрыта.

Здесь почти ничего не изменилось.

Тот же стол у окна. Те же полки. На стене остался маленький след от крепления, которое он когда-то обещал убрать. Возле шкафа стояли сумки с его вещами — вся жизнь из прежней квартиры, собранная чужими руками.

Кей остановился посреди комнаты.

Она была просторной. Светлой. И, как ни странно, уютной.

Он почему-то не помнил её такой.

Кровать уже застелили.

Кей добрался до неё и тяжело плюхнулся поверх покрывала. Пружины мягко приняли его вес. Несколько секунд он лежал с открытыми глазами, глядя в потолок, потом повернулся к стене.

Снизу донёсся голос отца. Тихо щёлкнула дверца шкафа.

Кей подтянул ноги и закрыл глаза.

Глава 2.

Кей проснулся посреди ночи.

Некоторое время он лежал, не понимая, где находится. В темноте смутно белел потолок, у окна угадывался письменный стол. Потом он узнал очертания шкафа и вспомнил.

Дома.

Рука по привычке потянулась за телефоном и замерла на краю кровати. Телефона больше не было. То, что осталось от него после аварии, лежало среди вещей в пакете: треснувший корпус, чёрный экран с мелкой паутиной стекла.

Кей перевернулся на спину.

Во рту пересохло. Он сглотнул, надеясь, что этого хватит, но стало только неприятнее. Пришлось вставать.

В коридоре было темно. Кей осторожно прикрыл за собой дверь, нащупал перила и спустился по лестнице. Уже внизу он заметил свет, пробивавшийся из-под кухонной двери, и остановился.

Кто-то не спал.

Первым желанием было развернуться. Вернуться в комнату, лечь и дотерпеть до утра. Сейчас он совершенно не представлял, как разговаривать с домашними. Особенно ночью, когда нельзя сослаться на дела и уйти.

Кей провёл языком по сухим губам.

Потом всё-таки двинулся к кухне.

Он шёл чуть громче, чем требовалось: не крался, не старался обойти скрипучее место у стены. Пусть услышат зараннее. У двери помедлил, медленно нажал на ручку и заглянул внутрь.

Пахло сигаретным дымом и пивом.

Рика сидела на подоконнике, поджав одну ногу. В одной руке тлела сигарета, другой она придерживала бутылку. Окно было распахнуто настежь, и по кухне тянуло холодом.

Осень только начиналась. Днём нагретые стены ещё отдавали летним жаром, зато ночью на улицу уже не хотелось выходить без лёгкой куртки. Кей невольно повёл плечами под тонкой футболкой.

Рика медленно выпустила дым в окно, отпила из бутылки и лишь тогда взглянула на него.

— Что, будешь нотации читать? Как тогда?

Кей остался у двери.

Тогда.

Шесть лет прошло, а он сразу понял, о каком вечере она говорит.

Рика была младше на пять лет. Когда-то эта разница казалась ему огромной. Она вечно увязывалась следом, лезла с вопросами, просила взять её с собой. Стоило ему устроиться с друзьями, как рядом обязательно возникала она — со своим «а вы куда?» и «можно я тоже?».

Он отмахивался. Просил не мешать. Иногда обещал, что в следующий раз возьмёт, лишь бы сейчас отстала.

Потом она отстала.

Кей не сразу это заметил.

У Рики появились свои занятия, свои друзья, о которых дома она почти не рассказывала. На вопросы она отвечала коротко и зло. Начала красить волосы, задерживаться по вечерам. Иногда не приходила ночевать. Из-за закрытой двери её комнаты гремела музыка, а за семейным столом любое замечание могло обернуться ссорой.

Кей считал, что у неё просто испортился характер.

В тот вечер он возвращался с подработки. Увидел её случайно — в компании парней, которые ему сразу не понравились. Рика стояла рядом с одним из них и курила.

Он помнил, как остановился.

Как она заметила его, и улыбка исчезла с её лица.

Ему было девятнадцать. Достаточно, как он тогда считал, чтобы знать, что делать в таких случаях.

Кей подошёл и потребовал, чтобы она немедленно шла домой.

Рика велела ему отстать.

Кто-то из парней усмехнулся.

После этого Кей уже не следил за словами.

Теперь сами фразы вспоминались обрывками, но некоторые звучали до неприятного отчётливо. Лучше бы он их забыл. То, как он кричал. Как называл её. Как говорил о ней при людях, перед которыми она ещё минуту назад старалась выглядеть взрослой.

Он схватил её за руку.

Рика вырывалась. Он сжал сильнее и потянул за собой, уверенный, что имеет право. Что потом она поймёт. Что сейчас он делает то, что должен.

А потом увидел её слёзы.

Злые, от унижения. Она торопливо стирала их свободной рукой, размазывая по щекам, и от этого злилась ещё больше.

Кей разжал пальцы.

Но разговор на этом не закончился. Он успел сказать ещё многое.

На кухне тихо звякнула бутылка: Рика переставила её на подоконник.

Кей посмотрел на сестру.

Через год после той ссоры он ушёл из дома. Поругался с отцом, собрал вещи и хлопнул дверью.

С Рикой даже не попрощался.

Пять лет они не разговаривали. Последней он помнил её с зелёными волосами. Тогда это казалось ему кошмарной нелепицей: надо же было так себя изуродовать.

Теперь он почему-то вспомнил именно то, что не попросился.

— Нет, — сказал Кей.

Рика чуть приподняла бровь.

Он отвёл взгляд к столу.

— Ты уже давно взрослая.

Можно было закончить на этом. Взять воды и уйти. Она вряд ли стала бы его удерживать.

Кей потёр ладонью шею.

— Да и я тогда...

Слова застряли. Он слышал, как негромко гудит холодильник, как с улицы доносится шум далёких машин. Рика молчала, и от этого продолжать было ещё труднее.

— Я тогда ошибся.

Он заставил себя посмотреть на неё.

— Не должен был так с тобой. При всех. И за руку...

Рика не двигалась. Только сигарета медленно догорала между пальцами.

— Я всё это время вспоминал, — сказал он. — Прости.

Последнее слово вышло тише, чем он хотел.

Кей замолчал. Ему по-прежнему было неловко стоять перед ней босиком, в мятой футболке, не зная, куда деть руки. Но напряжение, с которым он ждал её ответа, уже не было таким тяжёлым. Он наконец произнёс то, чему годами не давал сложиться в слова.

Возле головы Рики что-то дрогнуло.

Тёмный край на мгновение отделился от волос, всколыхнулся у виска и опал. Кей моргнул. За её плечом оставалось только открытое окно.

Показалось.

Рика опустила глаза на сигарету.

— Надо же, — хмыкнула она. — Ему стыдно стало.

Кей ничего не ответил.

Она затянулась в последний раз, отвернулась и выдохнула дым на улицу. Щелчком отправила окурочок в темноту, взяла бутылку и прыгнула с подоконника.

Окно закрылось с сухим стуком.

Проходя мимо, Рика на него не посмотрела. Кей отступил, освобождая ей дорогу.

За дверью слышались её шаги. Потом скрипнула ступенька.

Он ещё немного постоял, глядя на пустой подоконник, прежде чем вспомнил, зачем пришёл.

Утром Кей проснулся от голосов внизу.

Мать что-то говорила отцу. Тот отвечал из прихожей, и до Кея долетали лишь отдельные слова. Звякнули ключи. Зашуршала ткань. Потом шаги приблизились к лестнице.

Кей лежал с открытыми глазами.

— Может, разбудить? — негромко спросила мать.

— Пусть отдыхает.

Он дождался, пока закроется входная дверь. Полежал ещё

немного, прислушиваясь к квартире, и только потом встал.

На кухне уже не пахло дымом. Утреннее солнце освещало стол, на котором лежал вырванный из блокнота листок.

Кей сразу узнал мамин почерк — округлые буквы, тесно прижавшиеся друг к другу к концу строки.

«Доброе утро, Кей!

Завтрак в холодильнике. Мы перевели тебе немного денег на карту. Сходи купи телефон и что-нибудь для работы: куртку, брюки. Твои после аварии только выбросить.

И, пожалуйста, не забудь принять лекарства. Всё по назначению врача.

Обнимаю. Мама».

Он перечитал записку.

На словах о деньгах задержался чуть дольше.

Потом положил листок на прежнее место и открыл холодильник.

Несколько секунд просто смотрел внутрь.

Контейнеры с готовой едой. Сыр, яйца, овощи. Баночки соусов в дверце. На средней полке — тарелка с сырниками, накрытая прозрачной крышкой.

В его собственном холодильнике обычно лежало что-нибудь одно. Иногда сыр. Иногда хлеб, который он зачем-то убирал туда в надежде продлить ему жизнь. Чаще всего главным содержимым оставался холодный воздух.

Кей вздохнул и достал сырники.

Есть собирался без особого аппетита, но первый исчез

прежде, чем он успел налить чай. Второй он уже ел сидя, со сметаной, глядя на солнечное пятно у края стола.

После завтрака настала очередь лекарств.

Он разложил упаковки рядом с выпиской, сверил названия. Выдавил таблетки на ладонь.

Не забудь принять.

На мгновение захотелось ссыпать их обратно. Или просто оставить лежать. Он прекрасно помнил о лекарствах и без записки.

Кей посмотрел на белую продолговатую таблетку у основания пальцев.

Отказываться от лечения назло матери было бы совсем уж глупо.

Он проглотил всё по очереди, запивая водой. Одна таблетка задержалась на языке, оставив горечь. Кей поморщился и допил стакан.

В ванной он старался смотреть на себя не слишком внимательно.

Правый глаз, растрёпанные волосы, щетина — всё знакомое. Но стоило взгляду сдвинуться, и лицо становилось чужим.

Левый глаз побелел. Шрам спускался со лба, пересекал бровь и уходил через область глаза. Кожа вокруг ещё заметно отличалась по цвету.

Кей наклонился над раковиной, осторожно умылся и при-

гладил волосы так, чтобы несколько прядей падали на лоб.

Помогло мало.

Он оделся, нашёл среди вещей банковскую карту и вышел.

На площадке палец привычно задержался над кнопкой лифта.

Кей уже приготовился к тому, что она не загорится. Представил лестницу, бесконечные пролёты и собственные ноги, которые после больницы уставали даже от короткой прогулки.

Кнопка засветилась.

Через несколько секунд за дверями негромко звякнуло, и лифт открылся.

Кей заглянул внутрь с невольным подозрением.

Пусто. Светло. Всё работало.

Он вошёл.

До ближайшего торгового центра можно было добраться на метро. Это Кей помнил. Гораздо хуже он помнил, на какой именно станции выходить и где потом сворачивать.

Последние годы почти все его передвижения были связаны с машиной. Дороги складывались в голове в понятную сеть: развязка, мост, поворот у технического корпуса. Схема метро выглядела чужим способом описать тот же город.

У турникетов он ненадолго замешкался, наблюдая за людьми.

Оказалось, достаточно приложить банковскую карту.

Ну хоть здесь ничего сложного.

В вагоне свободных мест не было. Кей встал у дверей и взялся за поручень.

Первый взгляд он заметил почти сразу.

Женщина напротив посмотрела ему в лицо и торопливо отвела глаза. Мальчик рядом с ней продолжал смотреть, пока она не потянула его за рукав. Чуть дальше мужчина поднял голову от телефона, задержался взглядом на шраме, потом снова уткнулся в экран.

Кей повернулся к стеклу.

В тёмном отражении белый глаз был виден ещё отчётливее.

Он опустил голову.

И тогда заметил тень над плечом женщины.

Потом другую.

Они были повсюду.

Тусклые, едва различимые, они шевелились возле лиц, тянулись вдоль затылков, сгущались над головами. Некоторые напоминали смазанные пятна на стекле. Другие были настолько тёмными, что Кей не сразу различал за ними человека.

Вагон качнуло.

На мгновение ему показалось, что всё это колыхнулось отдельно от пассажиров.

Кей крепче ухватился за поручень.

В больнице между людьми оставалось пространство.

Здесь чужие плечи почти соприкасались, кто-то стоял у него за спиной, кто-то протискивался к выходу, и тени накладывались одна на другую. Глаза пытались совместить привычный вагон с тем, чего в нём не должно было быть.

В висках начало давить.

Кей закрыл левый глаз.

Всё исчезло.

Остались пассажиры, поручни, реклама над дверями. Женщина поправляла сумку. Мужчина листал что-то в телефоне.

Он осторожно открыл глаз.

Тёмное пятно возле ближайшего лица снова дрогнуло.

Кей зажмурился с одной стороны и так простоял несколько остановок, слушая стук колёс. Объявления станций проходили мимо, не задерживаясь в голове.

Когда он наконец вышел из метро и увидел название улицы на угловом доме, возвращаться под землю уже не хотелось.

Нужную остановку он проехал.

Кей постоял у выхода, пропуская людей, и огляделся.

Место было знакомое.

Если пройти пару кварталов, начинались торговые улочки. Небольшие магазины, мастерские, лавки с самым разным товаром. Он иногда заглядывал туда раньше.

Телефон и одежду наверняка можно было найти и там.

Кей отвернулся от входа в метро и пошёл пешком.

На улице тоже шумели, смотрели, спешили. Зато здесь можно было отойти в сторону. Не стоять лицом к лицу с незнакомцем, пока возле его головы шевелится что-то, чего никто больше не замечает.

Кей держался ближе к краю тротуара.

Через несколько кварталов высокие фасады отступили. Под ними теснились старые торговые ряды: узкие витрины, вывески разного размера, ступеньки, стёртые посередине. Возле одной двери стояли ящики с посудой, возле другой висели рабочие жилеты и ремни. Из мастерской доносился запах нагретого металла.

Здесь мало что изменилось.

Кей каждый раз удивлялся, как эти магазины ещё держатся. Крупные сети давно заполнили город, занимали целые этажи торговых центров, открывали пункты выдачи едва ли не в каждом доме. А здесь по-прежнему сидели за прилавками люди, которые сами выбирали товар, сами считали выручку и знали соседнего продавца по имени.

Возможно, дело было в расположении. До леса оставалось совсем немного, дальше город редел, и покупательский поток едва ли обещал такие прибыли, ради которых стоило вытеснять отсюда каждую старую лавку.

Кей прошёл мимо посуды, заглянул в магазин инструментов и наконец нашёл витрину с телефонами.

Продавец первым делом показал ему модель подороже.

Кей попросил попоуще.

Потом ещё попоуще.

Ему требовалось звонить, писать сообщения, сохранять заметки и пользоваться картой города. Камера — чтобы сфотографировать маркировку, документ или неисправность. Платежи. Фонарик.

Всё.

Переплачивать за возможности, о которых он забудет через день, не было смысла.

К тому же это были отцовские деньги.

Кей понимал, что родители помогли ему, потому что он остался ни с чем. Но каждый раз, когда приходилось об этом думать, внутри неприятно сжималось. Он пять лет доказывал, что может содержать себя сам, а теперь стоял у витрины, прикидывая, сколько ему позволительно потратить из переведённой суммы.

Он выбрал самую простую модель, которая подходила под его требования.

Пока оформляли покупку и регистрировали устройство на его имя, Кей изучал пустой экран. Потом настроил самое необходимое, проверил карту и убрал телефон в карман.

С этой частью жизни удалось разобраться хотя бы за полчаса.

Рабочая одежда нашлась через две лавки.

Магазин был тесный, но глубокий. У входа висели куртки

и брюки, дальше на полках стояли коробки с обувью, а за ними начинались хозяйственные мелочи: перчатки, щётки, верёвки, крепёж.

Кей выбрал плотные тёмно-серые штаны и куртку со свободными рукавами. Проверил карманы, несколько раз согнул руки, присел, чтобы понять, не тянет ли ткань на коленях.

Продавец одобрительно кивал.

— Хорошая вещь. Эту ткань просто так не порвёшь. И стирается нормально, не то что...

Он начал рассказывать о другой партии, неудачном поставщике и человеке, который однажды вернулся с жалобой после первой же стирки.

Кей слушал вполуха.

Уже собираясь расплатиться, он заметил возле прилавка банданы.

На одной был нарисован глаз.

Несколько светлых линий на тёмной ткани: вытянутый контур, круглая радужка, короткие штрихи по краям. Простой рисунок, почти знак.

Кей остановился.

Вспомнился вагон. Лица напротив. Облегчение, стоило закрыть левый глаз.

Он снял бандану с крючка.

— Эту тоже.

Продавец перевёл взгляд с ткани на его лицо.

— Конечно. Зеркало вон там, если хотите примерить.

Кей сложил бандану широкой полосой и повязал наискось, закрывая левый глаз. Пришлось немного повозиться с узлом. Потом он поправил ткань и посмотрел на себя.

Нарисованный глаз оказался почти на месте настоящего.

Выглядело странно.

Зато мир больше не двоился от чужих теней.

Кей повернул голову, проверяя, не сползает ли повязка.

— Удобно? — спросил продавец.

— Нормально.

— Ну и хорошо. Главное, чтобы вам удобно было. А остальное... — Он сочувственно покачал головой. — Сейчас ведь всякое случается. У меня вот племянник на производстве пострадал. Тоже молодой совсем.

Кей молча достал карту.

— Так ему сначала одно говорили, потом другое. Врачи-то разные бывают. Вы главное...

— Я расплачусь.

— Да-да, конечно.

Продавец подвинул терминал, но разговор не прекратил. От племянника он перешёл к врачам, затем к стоимости лечения и почему-то к соседу, который давно собирался переехать.

Кей забрал пакет.

Паузы, в которую можно было бы вставить прощание, всё не находилось.

— Извините, — произнёс за его спиной спокойный женский голос. — Можно мне это посчитать?

Кей обернулся.

Возле прилавка стояла девушка с упаковкой прищепок.

Сначала он заметил волосы — седые, почти белые, собранные в длинные дреды. Потом глаза.

Такие же белые.

Он невольно задержал взгляд, тут же вспомнил пассажиров в метро и посмотрел на прилавок.

Продавец уже потянулся к упаковке.

— Конечно, сейчас.

— Спасибо, — сказал Кей, приподнимая пакет. — Всего доброго.

На этот раз ему удалось добраться до двери прежде, чем разговор возобновился.

Обратно он ехал по карте в новом телефоне.

Теперь станцию не пропустил.

В вагоне на него снова смотрели. Чаше украдкой, иногда с откровенным любопытством. Нарисованный глаз, похоже, привлекал внимания не меньше настоящего.

Но хотя бы тени исчезли.

Кей стоял у дверей, слушал объявления и время от времени касался узла на затылке.

Дома было тихо.

Он снял обувь, оставил пакет с одеждой у лестницы и заглянул на кухню.

Рика сидела за столом. Перед ней стояла кружка, рядом лежал раскрытый пакет с хлебом. Судя по всему, её утро началось совсем недавно.

Она поднесла ко рту бутерброд и подняла глаза.

Рука остановилась.

Бутерброд выскользнул из пальцев, ударился о край стола и упал ей на грудь кетчупом вниз.

Несколько мгновений они оба смотрели на красное пятно.

— Да твою ж... — Рика вскочила и подхватила хлеб. — Кей!

— Что?

— Это что у тебя на голове?!

Он машинально коснулся банданы.

— Повязка.

— Я вижу, что не шапка! Ты специально?!

— Что специально?

Рика уставилась на него, потом снова на толстовку. Тяжело вздохнула.

— Тебе обязательно было с глазом брать?

Кей открыл рот, но объяснять про тени сейчас казалось совсем плохой идеей.

— Какая была.

— Чудесно. Очень красиво. Особенно ночью в коридоре будет.

Она бросила остатки бутерброда на тарелку и потянула ткань подальше от тела.

— Только попробуй мне так из темноты выйти.

Рика поспешила в ванную, на ходу ругаясь себе под нос.

Вскоре зашумела вода.

Кей остался у кухонной двери. Посмотрел на тарелку, потом на опустевший стул.

И впервые с момента выписки едва заметно улыбнулся.

Глава 3.

В своей комнате Кей выложил покупки на стул и сел на кровать.

Из ванной ещё доносился шум воды. Рика что-то сердито бормотала, но слов было не разобрать.

Он достал телефон.

На новом экране всё выглядело немного непривычно: другие расстояния между значками, слишком яркий фон, мелкие буквы. Кей покопался в настройках, убавил яркость и открыл новости.

Вверху ленты снова был Марек Вард.

Кей узнал фотографию ещё до того, как прочитал заголовок. То же лицо мелькало на экранах в метро.

«Заявление главы Конфедерации вызвало разногласия среди руководителей секторов».

Он провёл пальцем по экрану.

Главы местных управлений секторов 05, 27 и 92 — Эдвард Рейн, Амина Сарет и Рашид Кадар — поддержали позицию

Марека Варда относительно приёма беженцев. В опубликованных заявлениях говорилось о необходимости согласованных мер и пересмотра действующей миграционной политики.

Ниже стояла фотография ещё двух людей.

Дарен Восс, глава сектора 66, и Мирена Таль, возглавлявшая сектор 89, выступили с категорическим протестом. По их словам, глава Конфедерации не имеет право вмешиваться во внутренние дела входящих в неё государств. Подобные заявления, сопровождаемые политическим давлением, они назвали нарушением основополагающей доктрины Конфедерации.

Кей пробежал глазами следующий абзац.

Потом ещё один.

Все были чем-то глубоко обеспокоены. Все напоминали друг другу о принципах. В комментариях люди уже успели переругаться так, будто от исхода этой перепалки зависело, откроют ли завтра границы.

Он свернул статью.

Следующая новость была местной.

На фотографии Кир Фархади стоял возле тёмной мемориальной доски. За его плечом виднелись ограждение и старые въездные ворота промзоны. Чуть дальше, за спинами собравшихся, поднималась закопчённая стена.

Кей перестал листать.

Это место он помнил.

Не сами ворота — кадры пожара. В прошлом году их показывали повсюду. Чёрный столб над городом, съёмки с воздуха, бегущие люди в касках. Тогда ещё спорили, куда понесёт дым.

Он открыл новость.

«Глава сектора 01 Кир Фархади принял участие в открытии мемориальной доски в память о погибших во время трагедии, произошедшей тридцать седьмого Исема прошлого года. В тот жаркий летний день пожар и последовавшие за ним взрывы унесли несколько сотен жизней».

На доске были упомянуты спасатели, участвовавшие в извлечении рабочих из-под завалов. Больше тысячи человек удалось спасти. Несколько сотен погибли. Четверо пожарных, продолжавших работать на территории комплекса, попали под повторный взрыв.

Кей увеличил фотографию.

Имена расплылись на дешёвом экране. Он подождал, пока загрузится изображение получше, но различил только несколько верхних строк.

Ниже в статье рассказывалось о нынешнем состоянии промзоны. Восемьдесят процентов территории оставались закрытыми. После пожара и серии взрывов многие здания признали опасными для эксплуатации. Работал только восточный блок, которого огонь и разрушения почти не коснулись.

Денег на снос и реконструкцию всего остального в бюд-

жете сектора не было.

Владелец промзоны Ашим Дюжин, понёсший значительные убытки, также не мог приступить к восстановительным работам.

Кей вернулся к фотографии.

У подножия доски лежали цветы. За ограждением из трещины в асфальте торчала высокая трава.

Год прошёл.

Он подумал о людях, которых тогда вытащили. О тех, кто тоже очнулся в больнице, смотрел в потолок и пытался понять, что теперь осталось от прежней жизни.

Раньше такие новости заканчивались для него вместе со статьёй.

Теперь почему-то не заканчивались.

Телефон коротко завибрировал.

В верхней части экрана появилось сообщение.

«О, ты в сети. Телефон наконец появился?»

Кей несколько секунд смотрел на знакомую картинку профиля Дениса, потом открыл переписку.

Их общий чат.

Тот самый, где когда-то обсуждали зачёты, пересылали друг другу задания, а позже договаривались встретиться — всё реже, с бесконечными переносами и чужими рабочими графиками.

Он набрал:

«Сегодня купил».

Ответ пришёл почти сразу.

«Как сам? Дома уже?»

Прежде чем Кей успел написать, в разговор включился последний участник группы - Лера:

«Если дома, надо как-нибудь зайти. Проверить, не заменили ли тебя в больнице на более вежливую модель».

Кей фыркнул.

«На такую денег не хватило».

«Значит, точно ты».

Он откинулся к стене.

Несколько мгновений всё было почти как раньше. Можно было ответить какой-нибудь глупостью, получить в ответ ещё большую и не думать о том, что под тканью на лице скрывается белый глаз.

«Я у родителей пока», — написал он.

«Понял. Тебе привезти что-нибудь?»

Кей посмотрел на пакеты у стула.

«Не надо. Всё есть».

Потом добавил:

«Одежду купил. Телефон. Жить можно».

«Уже неплохо».

«Когда можно будет зайти — напиши. Без торжественной встречи, не переживай».

Кей начал печатать: «Да хоть...»

Остановился.

Представил, как открывает дверь. Как они смотрят на по-

вязку. Как стараются не смотреть. Как он объясняет, что произошло с глазом, и шутит раньше, чем кто-нибудь успеет его пожалеть.

Стёр набранное.

«Дайте пару дней освоиться».

«Конечно».

«Только опять не пропадай».

Кей задержал палец над клавиатурой.

«Не пропаду».

Он ещё немного посмотрел на переписку, затем вернулся к главному экрану.

В комнате было тихо. Вода в ванной перестала шуметь.

Кей положил телефон рядом с собой и осторожно стянул бандану.

Свет коснулся закрытого века.

Он открыл левый глаз.

Стол. Шкаф. Сумки с вещами. Полоса солнца на полу.

Ничего.

Кей медленно повернул голову.

У двери тоже было пусто.

Он почувствовал облегчение и тут же разозлился на себя за него. Чего он ожидал? Что у шкафа будет сидеть тень и ждать, когда на неё посмотрят?

В больнице можно было списать всё на лекарства. На усталость. На то, что он толком не спал, просыпался среди ночи, путал дни.

Но сегодня он выспался.

Поел.

Прошёлся по городу.

И видел в вагоне такое, чего больше, судя по всему, не видел никто.

Кей потёр пальцами край банданы.

Закрываешь глаз — исчезает. Открываешь — появляется.

Значит, дело в глазе.

Эта мысль немного успокаивала. С неисправным прибором всегда проще, когда хотя бы понятно, в каком узле искать поломку.

Только прибором на этот раз был он сам.

Кей снова взял телефон и открыл поиск.

«Тени перед повреждённым глазом».

Результаты оказались почти теми же, что выдавались на любые вопросы о зрении: пятна, вспышки, помутнения, рекомендации обратиться к специалисту.

Он прочитал несколько страниц.

Нигде не было ничего про тени вокруг людей.

Кей сменил запрос.

«После аварии вижу тени вокруг головы».

Поиск предложил исправить формулировку. Он отказался.

На одном из форумов человек жаловался на тёмные контуры вокруг предметов. Кей начал читать с неожиданной надеждой, но уже через несколько сообщений выяснилось, что

речь шла об изображении на экране. В другом обсуждении всё свелось к освещению и переутомлению.

Он попробовал ещё раз.

«Вижу движущиеся тени возле людей».

И вот тут началось.

Пробуждение скрытого зрения. Раскрытие внутренних каналов. Сущности, питающиеся страхом. Наследственный дар, который мог проявиться после сильного потрясения.

Кей скривился.

Ну здравствуй, шизотерика.

Одна страница предлагала определить природу дара по дате рождения. Другая предупреждала, что читать подобные сведения неподготовленному человеку опасно, но немедленно предлагала платную консультацию.

Он закрыл обе.

На следующем форуме обсуждали женщину, которая якобы видела чужую смерть заранее. Доказательств не было: историю пересказал человек, слышавший её от родственницы. Ниже кто-то уверял, что тени можно увидеть в зеркале, если несколько ночей подряд не спать.

— Ещё и не спать, — пробормотал Кей.

Он пролистал дальше.

Чем глубже заходил, тем сильнее всё напоминало страшилки, которыми пугали друг друга в техникуме. Пропадавшие знакомые знакомых. Фигуры в пустых коридорах. Секретные опыты. Записи, которые обязательно удалили

прежде, чем кто-то успел их сохранить.

И всё же он читал.

Иногда попадалась фраза, от которой палец замирал над экраном.

«Сгусток возле головы».

«Движение на краю зрения».

«После травмы».

Кей открывал обсуждение, пробегал первые сообщения, переходил к ответам.

Каждый раз оказывалось не то.

За похожими словами следовали рассказы о вещих снах, проклятых украшениях или особых упражнениях, после которых автор начинал видеть то, что хотел увидеть. Люди спорили, обвиняли друг друга во лжи, ссылались на учителей, чьи имена ничего ему не говорили.

Одно обсуждение оборвалось несколько лет назад на вопросе: «Ну и что в итоге?»

Ответа не было.

Кей посмотрел на время.

Оказалось, он просидел так больше часа.

Глаза устали. Телефон нагрелся в ладони. В истории поиска набралось столько странных запросов, что самому было неприятно на них смотреть.

Он открыл пустую строку и набрал:

«Как понять, что сходишь...»

Остановился.

Потом медленно удалил буквы.

Из коридора донеслись шаги. Рика прошла мимо его комнаты, что-то негромко напевая. Скрипнула лестница.

Кей прислушался, пока она не спустилась.

Можно было выйти. Спросить прямо: не замечала ли она чего-нибудь странного?

Он представил её лицо.

Нет.

Пока нет.

Кей погасил экран и положил телефон на кровать.

Бандана лежала рядом. Нарисованный глаз смотрел в потолок.

От экрана уже болели глаза, а прочитанное перемешалось в голове в бессмысленный ворох чужих историй. Он посидел ещё немного, отложил телефон, затем спустился пообедать.

В холодильнике нашёлся большой контейнер с запечёнными овощами и мясом. Рядом, в ещё одном лежал рис.

Кей подержал контейнер в руках.

Мамино любимое блюдо.

И его тоже.

На крышке был приклеен маленький листок.

«Твоё любимое. Погрей как следует. И добавку бери, не стесняйся — ты совсем худенький.

Мама».

Он тихо выдохнул через нос.

Худенький.

Двадцать пять лет, а всё ещё худенький.

Кей отклеил записку, но выбрасывать не стал. Положил на стол рядом с утренней.

Пока еда разогревалась, он достал вилку, налил воды и сел. На кухне было тихо. Отсюда не слышались ни шаги Рики, ни музыка из её комнаты.

Мясо легко разделялось вилкой. Овощи были мягкими, с чуть подрумяненными краями, а рис пропитался соком.

Тот самый вкус.

Кей ел медленно, хотя успел проголодаться. Потом всё-таки положил себе ещё.

После обеда он снова взялся за поиски.

Менял формулировки, открывал обсуждения, переходил по ссылкам, которые раньше пропустил. Несколько раз ему казалось, что он наконец нашёл что-то похожее, но дальше первых строк сходство не шло.

К вечеру полезного не прибавилось.

Оставались те же догадки, чужие страхи и люди, готовые за деньги объяснить ему что угодно.

Кей закрыл последнюю страницу и положил телефон экраном вниз.

За окном постепенно темнело.

Мать он слышал из комнаты.

Щёлкнул замок, открылась дверь. Внизу зашуршали пакеты. Что-то негромко стукнуло о тумбу.

Кей прислушался.

Один человек.

Он встал, подошёл к двери, но сразу не открыл.

Можно было подождать, пока она сама позовёт. Или спуститься позже, когда уже будет готов ужин и не придётся придумывать, с чего начать разговор.

Он положил ладонь на ручку.

С ней одной было бы проще.

Мать стояла в прихожей и снимала кожаную куртку. Услышав шаги, подняла голову.

Густая каштановая коса лежала на плече, спускаясь почти до пояса. За день несколько прядей выбились и теперь свободно обрамляли лицо. У висков среди них серебрилась седина.

Кей вдруг заметил, как сильно Рика на неё похожа. Те же скулы, нос, очертания подбородка. Даже в том, как мать чуть поджала губы, прежде чем заговорить, было что-то знакомое. За чёрными волосами сестры, пирсингом и привычной угрюмостью он давно перестал замечать это сходство.

У матери черты были мягче, возле глаз и рта пролегли тонкие линии. Но глаза — серо-зелёные, внимательные — были почти такими же. Сейчас она смотрела на него с тревогой, словно пыталась по тому, как он держится на лестнице, понять, не нужна ли ему помощь.

— Кей.

Она произнесла его имя так, словно не была уверена, что он действительно сейчас спустится.

— Привет, мам.

Её лицо дрогнуло и потеплело.

Мать поспешно повесила пальто. Один рукав соскользнул с крючка, но она не стала поправлять.

Подошла и обняла его.

Кей замер, не успев решить, куда деть руки.

— Ну вот ты и дома, — заговорила она ему в плечо. — Ну вот. Всё хорошо. Теперь всё будет хорошо.

Он смотрел поверх её головы на приоткрытую дверь кухни.

От маминых волос пахло улицей и знакомым шампунем.

— Мам...

— Ты только не торопись, ладно? Отдохнёшь, поправишься. Сколько нужно, столько и отдыхай. Мы со всем справимся.

Она чуть отстранилась, посмотрела на его лицо и осторожно убрала прядь со лба.

Кей вспомнил про бандану.

Осталась наверху.

Надо же было забыть именно сейчас.

Он чуть повернул голову, но мать снова прижала его к себе.

— Главное, что ты здесь, — сказала она. — Всё остальное

потом.

За её спиной щёлкнул замок.

Кей поднял глаза.

Вошёл отец.

Он остановился на пороге с ключами в руке, увидел их и на секунду замер.

Кейу стало жарко.

Захотелось немедленно отступить, высвободиться из маминых рук, сказать что-нибудь обычное. Что он просто спустился за водой. Что всё в порядке, незачем так.

Он уже слегка отвёл плечо.

Мать подняла на него лицо.

По щеке к подбородку скатилась слеза.

Кей остановился.

Положил ладонь ей на спину и неловко погладил.

— Я дома, мам, — тихо сказал он.

Она кивнула, улыбнулась и тут же вытерла щёку пальцами.

Отец закрыл дверь. Положил ключи на тумбу и наклонился снять обувь.

Ничего не сказал.

За ужином мать говорила почти всё время.

Спрашивала, понравился ли обед. Нашёл ли Кей нужную одежду. Хороший ли купил телефон, разобрался ли с ним.

— Нормальный, — ответил Кей.

— Покажешь потом?

— Угу.

Он подцепил вилкой кусочек еды и передвинул его к краю тарелки.

— А куртку тёплую взял?

— Рабочую.

— Ну да, рабочую. Я и спрашиваю, не тонкая ли. По утрам уже холодно.

— Нормальная куртка, мам.

— Хорошо.

Она повернулась к отцу.

— А вам тот заказ привезли?

Отец покачал головой.

— Не весь. Остальное обещают завтра.

— Опять чего-то не хватает?

— Как обычно.

Мать вздохнула, поправила край салфетки и спросила, надолго ли теперь задержится работа. Отец ответил подробнее, перечислил что-то из деталей, названия которых Кей знал. В другой день он, наверное, даже спросил бы, зачем им понадобились именно такие.

Сейчас он смотрел в тарелку.

Мать повернулась к нему:

— Ты ведь с таким оборудованием тоже...

Она осеклась.

Кей перестал двигать вилкой.

- Впрочем, что мы всё о работе, — быстро сказала она.
- Ты в какой магазин ездил? В торговый центр?
- До торговых рядов дошёл.
- До старых? Они ещё работают?
- Работают.
- Надо же. Я туда сто лет не заглядывала.

Она заговорила о лавке, где когда-то покупала посуду. Спросила, осталась ли та на месте. Кей не знал. Мать вспомнила хозяина, его привычку заворачивать каждую чашку в несколько слоёв бумаги, потом рассказала, что у них на работе снова перестал закрываться шкаф.

Отец иногда отвечал.

Кей кивал.

Они почти не обращались друг к другу. Когда отцу понадобился хлеб, он дотянулся сам, хотя корзинка стояла ближе к Кею.

Кей старательно разрезал еду на маленькие кусочки.

Есть не хотелось.

За обедом он спокойно взял добавку. Теперь каждый глоток приходилось проталкивать водой. Он чувствовал напротив присутствие отца, замечал краем зрения его руки, но поднять глаза почему-то не мог.

Мать продолжала разговор.

На её лице ещё оставались следы недавних слёз. Она улыбалась чуть чаще, чем обычно, и слишком быстро находила новый вопрос, стоило за столом наступить тишине.

Кею хотелось, чтобы ей не приходилось так стараться.

Но поддержать её он тоже не умел.

Он съел ещё немного, положил вилку и тихо отодвинул стул.

— Спасибо за еду. Я пойду.

Мать сразу подняла голову.

— Да, конечно. Я помою посуду, иди, отдыхай.

Кей кивнул и вышел из кухни, оставив тарелку почти полной.

Так прошла неделя.

Кей искал по утрам, возвращался к поискам после обеда и иногда засиживался с телефоном до глубокой ночи. Формулировки менялись, страницы повторялись. Он уже узнавал некоторые обсуждения по первым строкам и закрывал их прежде, чем успевала загрузиться реклама.

Ничего, за что можно было бы зацепиться.

В конце концов, Кей начал выходить из дома не только ради покупок.

Находил скамью во дворе или вставал чуть в стороне от остановки. Делал вид, что смотрит в телефон, а сам осторожно сдвигал бандану и наблюдал.

Долго выдерживать не получалось. В людных местах быстро начинала болеть голова, а стоило кому-нибудь заметить его взгляд, приходилось отворачиваться.

В телефоне было приложение блокнот. Раньше Кей поль-

зовался подобным лишь для мелких пометок по работе. Теперь же, он решил вести дневник своих наблюдений.

Сперва записывал всё подряд: где был, что увидел, сколько людей стояло рядом. Потом начал систематизировать их, чтобы удобнее было дополнять их позже.

Ему хотелось найти хоть какую-нибудь закономерность. Убедиться, что увиденное подчиняется правилам, которые можно понять.

С животными оказалось проще всего.

Возле собаки, терпеливо ждавшей хозяина у магазина, ничего не было. Возле дворовой кошки — тоже. Кей наблюдал за птицами, за маленьким псом, облаявшим собственное отражение в стеклянной двери, за котом на подоконнике первого этажа.

Никаких теней.

Он записал это почти с облегчением.

А через два дня увидел крысу.

Она мелькнула за решёткой ливневого стока, и на миг ему показалось, что вместе с ней в темноту втянулось что-то ещё. Кей присел, включил фонарик на телефоне и посветил между прутьями. Внизу блестела вода, к мокрому бетону прилипли листья.

Крысы уже не было.

В блокноте появилась новая строка:

«Животные — нет. Крыса у стока — возможно».

Последнее слово он выделил красным, потом поставил ря-

дом вопросительный знак.

С людьми ясности было ещё меньше.

Тени отличались по плотности, по тому, как двигались, насколько далеко выступали за очертания головы и плеч. Иногда Кей едва различал их. Иногда они темнели так сильно, что хотелось немедленно закрыть глаз.

Одно он всё же заметил.

Во время ссор тени словно становились больше.

Впервые это бросилось ему в глаза у небольшого магазина, одного из тех самых, где Кей покупал себе одежду. Покупателю что-то не понравилось в списанной со счета суммы. Система лояльности дала сбой. Но продавец не мог осуществить возврат и пытался успокоить разгневанную женщину. Потом — на остановке, когда двое мужчин не поделили место под навесом. Чем громче они говорили, тем шире расплывалась темнота возле их лиц. Кей смотрел, забыв отвернуться, пока один из споривших не бросил на него злой взгляд.

Он отошёл и сделал запись.

«Ссора — расширяются. Проверить ещё».

Дома проверять не хотелось.

Но там он тоже их видел.

Возле отца, когда тот возвращался с работы и молча разбирал бумаги за столом. Возле матери. Возле Рики.

Кей ловил себя на том, что следит уже не за выражением лица, а за тёмным движением рядом. Мать спрашивала, бу-

дет ли он чай, а он смотрел ей за плечо и не сразу отвечал.

От этого становилось стыдно.

Повязка помогала, но не избавляла от знания: стоит её снять — и всё снова окажется на месте.

Сидеть с семьёй за одним столом стало ещё труднее.

Однажды Кей проснулся раньше обычного.

За окном только начинало светлеть. Он посмотрел на время, полежал немного и понял, что больше не уснёт.

Внизу негромко разговаривали.

Родители ещё не ушли.

Кей оделся, повязал бандану и вышел из комнаты. На лестнице остановился, прислушался к звону посуды, потом спустился.

Кухонная дверь была закрыта.

Он уже протянул руку к ручке, когда услышал своё имя.

— Кей опять почти весь день у себя просидел, — говорила мать. — Я спросила, как он себя чувствует. Сказал: нормально. И всё.

Кей замер.

— Ему нужно время.

— Я понимаю, Саш. Но ведь так уже было. Пять лет назад. Он и тогда перестал с нами разговаривать. Всё нормально, ничего не нужно, сам разберусь...

Мать умолкла.

Кей смотрел на дверную ручку.

Надо было войти. Сейчас, пока они не сказали ничего такого, после чего войти станет совсем невозможно.

Он не пошевелился.

— Неужели я ошиблась? — тихо спросила мать.

Отец ответил не сразу.

— Нет. Ты всё сделала правильно.

Послышался короткий стук: на стол поставили кружку.

— Но и я не мог иначе. Дай я ему денег — он бы просто вернулся к прежней жизни. В ту же контору. За те же гроши.

Кей медленно опустил руку.

— Я с его начальником разговаривал, — продолжил отец.

— Узнавал, сколько он делал. Какие у них нормы, сколько вызовов на человека.

В его голосе появилась знакомая жёсткость. Кей невольно напряг плечи.

— Он за двоих работал. Понимаешь? За двоих. Так себя загонять — это просто безумие.

— Он нам ничего не рассказывал.

— А когда он рассказывал?

Снова стало тихо.

Кей ждал продолжения.

Отец вздохнул.

— Ты сегодня во сколько заканчиваешь?

Мать ответила. Они заговорили о дороге, о том, нужно ли что-то купить вечером. По полу скользнул стул.

Кей ещё немного постоял у двери.

Потом отступил и повернулся к лестнице.

Рика стояла наверху.

Босая, в длинной футболке, с растрёпанными после сна волосами. Одной рукой держалась за перила и смотрела прямо на него.

Кей остановился.

По её лицу было невозможно понять, давно ли она здесь.

Он уже приготовился услышать что-нибудь про подслушивание.

Рика скользнула взглядом к кухонной двери, потом снова посмотрела на него. Ничего не сказала. Отпустила перила и пошла в ванную, словно просто вышла из комнаты и случайно задержалась по пути.

За спиной открылась дверь.

— Ты чего здесь?

Кей обернулся.

Отец стоял на пороге кухни. При виде сына он остановился, придерживая дверь рукой.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

Кей прочистил горло.

— Доброе утро.

Отец чуть приподнял брови.

Из-за его плеча выглянула мать.

— Доброе утро, Кей.

— Доброе утро, — почти шёпотом ответил отец.

Он посмотрел на неё, потом опять на сына, словно пытал-

ся понять, не пропустил ли чего-нибудь.

Мать придержала дверь и открыла её шире.

— Будешь завтракать?

Кей взглянул на стол. На две кружки, хлеб, оставленное свободным место.

— Да, буду.

Она сразу отошла к шкафу за тарелкой.

Кей переступил порог.

— Пап, ты не торопишься?

Отец всё ещё смотрел на него с настороженным удивлением.

— Нет. У меня ещё есть время. А что?

Кей провёл ладонью по затылку, задел узел банданы и опустил руку.

— Я поеду с тобой.

Глава 4.

Ари не могла высвободить руку.

Чужие пальцы сжимали запястье. Другие цеплялись за одежду, тянули волосы, скользили по плечам. Лица приближались из темноты — слишком тесно, одно поверх другого. Стоило отшатнуться от одного, как за спиной возникало следующее.

Она пыталась поднять свободную руку.

Не успевала.

Лапы сомкнулись у горла.

Ари открыла глаза и резко села.

Воздух вошёл в грудь с хрипом. Она сбросила одеяло, упёрлась ладонями в матрас и несколько раз глубоко вдохнула.

Комната была пуста.

Кровать. Одежда на стуле. Закрытая дверь.

Никто не держал её.

— Опять кошмары?

Голос прозвучал беззвучно, прямо в сознании. Знакомое присутствие Лиарена постепенно вернуло ощущение утра, дома и расстояния между ними. Он находился в своём храме. Она — здесь.

Ари провела ладонью по лицу.

— Да. Снова.

Она ещё немного посидела, пока дыхание не выровнялось, потом опустила ноги на пол.

Начинался обычный день.

Зеркал в доме не было.

Ари прекрасно помнила своё лицо, а проверять каждое утро, изменилось ли оно за ночь, не видела смысла.

Она умылась, собрала седые дреды, чтобы не лезли в лицо, и оделась. Плотные брюки, удобная рубашка, рабочая куртка. Всё легко стиралось, не мешало двигаться и выдерживало работу в теплице.

Снаружи звякнула музыка ветра.

Ари открыла дверь.

Прохладный воздух коснулся щёк. Между деревьями гулял слабый ветер, перебирая подвески под навесом и у крыльца. Звон переходил от одной к другой, то затихая, то снова возникая чуть дальше.

Она задержалась на ступеньке и прислушалась.

После сна этот звук был особенно приятен.

Лес окружал дом со всех сторон. За стволами белело утреннее небо; по нему медленно проступали серые пятна.

Ари подняла голову.

Они были слишком далеко. Не походили на облака, но и уверенно назвать их чем-то другим она не могла.

— Опять смотришь? — спросил Лиарен.

— Они всё ещё там.

Она постояла ещё немного, затем спустилась с крыльца.

Мир вокруг был белым, но не пустым. Ари различала кору деревьев, прожилки на листьях, следы на земле, тонкую сетку на тепличной двери. Всё сохраняло форму, глубину и расстояние. Обычных красок не было; она давно перестала ожидать их возвращения.

Теплица стояла на самом светлом участке.

Рядом, под навесом, размещались аккумуляторные батареи и экономичный дизельный генератор. Ари проверила заряд, остаток топлива и недовольно поджала губы.

На заправку сегодня придётся заехать.

Она охотно поставила бы солнечные панели. Но даже здесь, в просвете между деревьями, солнце задерживалось

ненадолго. Лес давал дому укрытие и прохладу, зато электричество приходилось получать иначе.

В теплице было теплее. Пахло влажной землёй и листьями.

Ари открыла краны на нескольких кубовых ёмкостях. Вода пошла по трубкам к грядкам. Она проверила, нигде ли не засорилось, поправила один шланг и взялась за ящики.

Работа помогала окончательно проснуться.

Поддержать ветку, снять плод, проверить, не повреждён ли, уложить. Перейти к следующему растению. Здесь не требовалось гадать, что означают чужие движения и откуда ждать опасности.

— Сегодня снова пойдешь за ней? — спросил Лиарен.

Ари выпрямилась.

— Если увижу.

— А если снова ограда?

— Через ограду можно перелезть.

Она поставила полный ящик у прохода и взяла пустой.

К тому времени, когда Ари закончила, возле пикапа стояли десять ящиков овощей, отдельно — собранные травы и пакет с рукоделием.

Она закрепила груз в кузове, проверила пустые канистры и села за руль.

На выезде из леса включила радио.

Из динамиков полилась лёгкая мелодия. Ари убавила

громкость до привычного уровня и опустила стекло.

Дорога была почти пустой.

На одном из поворотов она притормозила.

В кустах у обочины торчал обломок.

Ари узнала место сразу. Месяц назад здесь разбилась машина. Потом на земле долго оставались следы, а в траве попадались осколки и куски пластика.

Она уже собирала их.

Казалось, все.

— Надо же, — пробормотала Ари.

Пикап остановился.

Она протянула руку в открытое окно. От пальцев отделилась тонкая нить, светящаяся бледным светом. Потянулась к кустам, обвила обломок бампера и осторожно высвободила его из ветвей.

Ари повела кистью.

Обломок пересёк обочину, поднялся над бортом и с глухим стуком лёг в кузов, подальше от овощей.

Нить погасла.

— Теперь, надеюсь, всё.

Она снова тронулась.

Музыка закончилась, уступив место новостной заставке.

— Заявление главы Конфедерации Марека Варда продолжает вызывать разногласия среди руководителей секторов...

Ари чуть прикрыла окно.

Одни главы поддержали его позицию. Другие настаива-

ли, что вмешательство во внутренние дела секторов нарушает доктрину Конфедерации. Следовали выдержки из заявлений, возражения и ответы на возражения.

Она уже слышала начало этой истории. Теперь, судя по всему, говорить стали больше, а соглашаться — ещё меньше.

Диктор сообщил, что обсуждения продолжаются.

Ари дождалась следующей мелодии.

На торговых улицах уже открывались магазины.

Кто-то выставлял товар перед входом, кто-то поднимал жалюзи. Возле продуктовой лавки разгружали фургон. Ари припарковалась чуть дальше, отнесла обломок бампера к мусорному контейнеру и вернулась за первым ящиком.

Продавец увидел её с порога.

— Опять ты! Нет, я ничего не буду покупать.

Ари остановилась.

— Доброе утро.

— Доброе. Я сказал — не буду.

Вокруг его головы лежала плотная тень.

Обычно она была серой, неровной, особенно заметной у висков. Сегодня потемнела почти до черноты. Когда продавец взглянул на ящик, она словно стянулась ближе к его лицу.

Он быстро посмотрел на дверь.

— Мне проблем не надо.

Ари вздохнула.

— Я пока поставлю?

Не дождавшись ответа, опустила ящик у прилавка.

Продавец отвернулся, начал перекладывать бумаги возле кассы. Ари подняла руку и коротким движением начертила в воздухе знак.

Бледные линии на мгновение удержались перед её пальцами.

Потом знак скользнул вперёд.

Он пронзил тень, и та дрогнула, разошлась рваными полосами. Остатки сорвались с головы продавца, будто под порывом ветра, и исчезли.

Человек у кассы потёр висок.

Ари опустила руку.

Риск остался. Ни лицензии, ни разрешения у неё не появилось. Но теперь продавец мог подумать об этом сам, без непрерывного шёпота страха, превращавшего каждую возможность в угрозу.

Она снова подошла к прилавку.

— Согласитесь, мои овощи люди раскупают гораздо охотнее, чем пластиковые, которые вам привозит ФермКорпорэйшн.

Он посмотрел на неё с досадой.

Потом на ящик.

— Да, ты... — Он помолчал. — К сожалению, права.

Слова дались ему так тяжело, словно за каждое приходилось уступать ей ещё немного места в магазине.

Ари ждала.

— Хорошо, я возьму их. Но только учти: у тебя нет лицензии. Рискую я.

— Я помню.

— Помнит она...

Он вышел из-за прилавка, подхватил ящик почти раньше, чем Ари успела отступить, и понёс к овощным полкам.

Там уже стояли ровные ряды продукции ФермКорпорэйшн. Одинаковые плоды, гладкие, без единого повреждения. На их фоне урожай Ари выглядел почти неряшливо: разный размер, неровные бока, местами следы от листьев.

Продавец с раздражением сдвинул безупречные овощи в сторону.

Ари знала, что её ящики опустеют раньше.

Покупатели прощали кривизну тому, что имело вкус.

Она перенесла остальные девять ящиков. Продавец пересчитал товар, ещё немного поворчал и расплатился.

Сумма вышла хорошая.

— Могу я забрать ящики?

— Как обычно, на заднем дворе, - пробурчал продавец.

В аптеке её встретили без споров.

Продавец заметил связки трав, кивнул и сразу направился к двери кладовой.

— Сюда.

Ари прошла следом.

Здесь, между коробками и хозяйственным инвентарём, камера из торгового зала их не видела. Он принял сборы, проверил содержимое и отложил отдельно от остального товара.

Травы пользовались спросом. Лицензии у Ари не было и на них.

Об этом он не говорил. Просто оставлял себе время, чтобы задним числом оформить поступление и вписать в документы разрешения, которых никто ей не выдавал.

Она получила деньги, убрала пустую сумку и вернулась на улицу.

Дальше можно было заняться собственными покупками.

В хозяйственной лавке продавец уже разговаривал с посетителем.

Вернее, говорил хозяин.

Посетитель стоял с пакетом в руке и всё чаще поглядывал на дверь.

Ари хорошо знала это выражение.

Она взяла упаковку прищепок и приблизилась к прилавку.

Молодого человека здесь раньше не видела. На этих улицах часто встречались одни и те же лица; незнакомцы невольно обращали на себя внимание.

Но этот запомнился бы в любом случае.

Левый глаз закрывала её бандана.

Причём рисунок он расположил почти точно там, где под тканью находился настоящий глаз.

Ари на мгновение задержала взгляд.

— Извините. Можно мне это посчитать?

Молодой человек обернулся.

Посмотрел на её волосы, потом в глаза — и быстро отвёл взгляд.

— Конечно, сейчас, — ответил продавец, потянувшись к прищепкам.

— Спасибо. Всего доброго.

Посетитель приподнял пакет и направился к выходу.

Ари проводила его взглядом.

Дверь закрылась.

— А сегодня ты ничего не привезла? — спросил хозяин.
— Твоё рукоделие хорошо берут. Ну, кроме этих странных бандан. Этот парень, пожалуй, единственный, кому они приглянулись.

Ари поставила на прилавок пакет.

— Жаль, что не понравились. Их довольно легко делать.

Продавец заглянул внутрь.

— Вот это другое дело.

— Ну что ж, зато остальное пользуется спросом.

Она ещё раз посмотрела на дверь, потом повернулась к нему.

Закончив с покупками, Ари остановилась возле пикапа.

Вспомнила продавца. Черноту вокруг его головы, резкий отказ, быстрый взгляд на дверь.

Пора было обновить контур.

Она занималась этим примерно раз в месяц, иногда немного раньше. Сегодня откладывать не стоило.

Ари убрала покупки в кабину и снова пошла вдоль торгового ряда.

Первую печать она оставила много лет назад, в укромном месте за водосточной трубой. Здесь редко кто задерживался: узкий проход, глухая стена, запах сырого камня.

Она провела пальцами возле старых линий, смахнула налипшую паутину.

Печать сохранилась.

Ари отступила на полшага и подняла руку.

В воздухе проступили бледные штрихи и точки. Она чертила медленно, соединяя их в знакомый рисунок, почти неслышно произносила названия рун. Закончив, направила ладонь к стене.

Рисунок скользнул вперёд и вошёл в старую печать.

По вырезанным линиям прошёл свет.

Ари опустила руку и выдохнула.

Оставалось ещё пять.

Шесть точек окружали торговый район.

Ари знала дорогу между ними наизусть. Где обойти сложенные ящики, где протиснуться за ограждение, где до-

ждать, пока человек у служебного входа докурит и уйдёт.

Контур сдерживал тени.

Что они такое, Ари не знала. Видела серые пятна, иногда почти чёрные, замечала, как менялось поведение людей рядом с ними. Лиарен подтвердил: влияние было настоящим.

Этого ей хватало, чтобы не оставлять всё как есть.

Но у защиты была и другая задача.

Она отводила от местных продавцов внимание тех, кто мог прийти с проверкой, потребовать документы, сверить разрешения. Люди проходили мимо, откладывали визит, выбирали другой адрес.

Продавец овощей боялся не зря.

Отсутствующая лицензия вполне могла обернуться неприятностями. То, что до сих пор ему везло, требовало от Ари этих обходов.

Он об этом не знал.

У третьей печати она уже задержалась, прежде чем продолжить путь.

У пятой пришлось опереться о стену.

Пальцы начинали дрожать. Ари подождала, пока дрожь немного утихнет, и снова подняла руку.

Штрих.

Точка.

Ещё один штрих.

Названия рун прозвучали почти одним дыханием.

Она направила рисунок в печать и осталась стоять с за-

крытыми глазами.

Теперь последняя.

Обратно Ари шла медленно.

Приходилось смотреть под ноги и заранее выбирать, где удобнее сойти с бордюра. Сумка, почти пустая, неприятно тянула плечо.

Пикап показался из-за припаркованного фургона.

Ари добралась до двери, со второй попытки достала ключи и забралась в кабину. Закрыла за собой, откинулась на сиденье.

Руки легли на колени.

Некоторое время она просто дышала.

На то, чтобы прийти в себя, обычно требовался час. Сейчас казалось, что и этого будет мало.

За стеклом продолжалась торговля. Кто-то нёс пакеты, у соседней лавки спорили о цене, продавец выставял ещё один ящик.

Ари повернула голову к окну.

Пусть спорят.

Она прикрыла глаза и осталась сидеть, пока не чувствуя сил даже дотянуться до воды.

На заправке Ари наполнила бак и десять канистр для генератора.

Последнюю уже убирала в кузов, когда заметила девушку

на тротуаре.

Та шла, прижав телефон к уху, и что-то говорила. Чуть повернула голову, улыбнулась, свободной рукой поправила одежду.

В витрине за её спиной отражался прохожий.

Мимо скользнула машина.

Девушки в стекле не было.

— А вот и ты, — сказала Ари.

Она закрепила канистру, заперла пикап и поспешила к тротуару.

Девушка продолжала идти.

Ари ускорила шаг, потом побежала.

В витринах мелькало её собственное отражение: куртка, убранные дреды, рука, придерживающая сумку. Отражались двери, столбы, люди на противоположной стороне улицы.

Девушка по-прежнему оставалась только на тротуаре.

Зацикленная.

Осколок души, застрявший в одном моменте и повторявший его снова и снова.

Ари догнала её у поворота. Сбавила шаг и пошла следом.

Девушка убрала со лба прядь.

Ари уже видела этот жест.

Чуть дальше будет ограда.

В прошлый раз она потеряла её именно там.

На этот раз Ари заранее подтянула сумку, нашла опору для ноги и перелезла. Спрыгнула по другую сторону, едва не

поскользнулась и быстро выпрямилась.

Зацикленная удалялась.

— Ну уж нет.

Ещё несколько кварталов Ари держалась позади. Девушка ни разу не обернулась. Говорила по телефону, иногда замолкала, будто слушая ответ.

Потом свернула к зданию и направилась к закрытой, выкрашенной в ярко красный цвет, двери.

Ари прибавила шаг.

Девушка прошла сквозь дверь.

Ни щелчка замка. Ни движения створки.

Ари остановилась перед ней и схватилась за ручку.

Заперто.

Она потянула ещё раз, хотя уже знала результат, и с досады стукнула кулаком по двери.

— Снова ушла.

Над входом смотрела камера.

Ари убрала руку.

— И как мне за тобой дальше идти?

Ответа, разумеется, не было.

Замки она вскрывать не умела. Да и учиться под камерой, возле здания с сигнализацией, было не лучшей мыслью.

Она отошла и обогнула угол.

Может быть, девушка выйдет с другой стороны.

Не вышла.

Ари несколько раз обошла здание, проверила соседние проходы, постояла у второго выхода. Потом вернулась к первому.

Дверь оставалась закрытой.

Она потратила ещё некоторое время, ругаясь себе под нос, прежде чем признала, что сегодня больше ничего не узнает.

Не каждая зацикленная приводила к эху.

Иногда маршрут просто повторялся, не открывая ничего, кроме чужого застывшего мгновения. Пустышка. Можно было ходить следом неделями и так никуда не попасть.

Но если связь существовала, по ней можно было найти эхо. Добраться до ядра и разрушить его, пока аномалия не стала причиной чьей-нибудь беды.

Опасными были не все эхо.

Ари предпочитала убедиться в этом сама.

Эту работу она взяла на себя, став ученицей Лиарена, и бросать поиски из-за одной двери не собиралась.

Хотя дверь раздражала её совершенно невыносимо.

Через несколько дней Ари приехала с новой партией овощей.

Разгрузилась, получила деньги и уже собиралась вернуться к маршруту зацикленной, когда увидела знакомую бандану.

Молодой человек стоял чуть в стороне от прохожих.

Смотрел на людей.

Потом на что-то в телефоне.

Снова на людей.

Ари замедлила шаг.

Он осторожно сдвинул ткань с левого глаза, задержал взгляд на спорившей у магазина паре и вскоре вернул повязку на место. Что-то записал в телефоне.

— Чего он всё высматривает? — негромко спросила женщина возле соседнего прилавка.

— Да кто его знает. Уже не первый раз здесь ходит.

— С этим глазом на голове его трудно не заметить.

Ари сделала вид, что рассматривает витрину.

Молодой человек перешёл на другую сторону улицы. Остановился. Снова поднял голову.

Теперь ей было любопытно.

Он словно пытался разобраться в том, что остальные проходили, не замечая.

Ари проследила за направлением его взгляда, потом посмотрела на время.

И выругалась.

Когда она добралась до нужного перекрёстка, заикленной уже не было.

В тот день Ари уехала домой, так и не продвинувшись в поисках.

Во время следующей поездки парень снова оказался на торговой улице.

Та же бандана. Те же остановки, внимательные взгляды, записи.

Ари заметила его издалека и заставила себя пройти мимо. Сегодня — девушка.

Она дождалась заикленную, прошла знакомый маршрут, перелезла через ограду и добралась до здания.

Закрытая красная дверь снова пропустила одну из них.

Ари осталась снаружи.

На этот раз она дольше ждала у других выходов. Проверила, не продолжается ли маршрут через соседний двор.

Безрезультатно.

Прошло ещё несколько дней.

Ари привезла овощи, зашла в аптеку, отнесла рукоделие.

Парня с банданой нигде не было.

Не встретился он и в следующий раз.

Она поймала себя на том, что ищет его взглядом среди прохожих, и раздражённо отвернулась.

С заикленной всё оставалось по-прежнему.

Девушка появлялась, говорила по телефону, проходила свой путь и исчезала за дверью.

Лезть внутрь Ари не решалась. Камеры вокруг здания, сигнализация, запёртый вход — слишком много возможностей закончить день в полиции. И всё это ради следа, который мог никуда не вести.

Тогда она попробовала зайти с другой стороны.

Нашла точку, с которой начинался маршрут.

Осмотрела её, задержалась там, вернулась ещё раз.

Обычный участок улицы.

Ничего, что указало бы на эхо.

Ари стояла у витрины, наблюдая, как зацикленная снова подносит телефон к уху.

Тот же поворот головы.

Та же улыбка.

Потом девушка пошла вперёд.

Ари на этот раз осталась на месте.

Глава 5.

В машине Кей снова сел справа от отца.

Пристегнулся, устроил руки на коленях и посмотрел вперёд.

Некоторое время они ехали молча.

— Куртку купил? — спросил отец.

— Да.

— Удобная?

— Нормальная.

Отец кивнул.

Кей подумал, что стоило сказать что-нибудь ещё. Хотя бы про карманы. Или про магазин, в котором её нашёл.

Но момент уже прошёл.

За окном тянулись жилые дома.

— А у вас... — начал он.

Отец чуть повернул голову.

— Что?

— Работы много?

— Хватает.

— Понятно.

Снова замолчали.

Кей следил за машиной впереди. На её заднем стекле отслоилась наклейка; один угол подрагивал на ветру.

— Первое время с Рустамом поездишь, — сказал отец. — Посмотришь, что у нас как.

— Хорошо.

— Сразу за всё хвататься не надо.

Кей напрыгся, но отец больше ничего не добавил.

На следующем светофоре Кей потянулся к радио.

— Можно?

— Включай.

Из динамиков полилась музыка.

Оба словно получили возможность некоторое время не придумывать новых вопросов.

Кей откинулся на сиденье.

После двух песен начались новости.

Из-за повторившихся беспорядков в секторе 48 на границе приостановили поставки товаров. Сроки возобновления перевозок пока не назывались.

Отец выругался.

— Опять комплектующие подорожают.

Кей посмотрел на него.

— Вы оттуда берёте?

— Через них везут. А цены поднимут на всё, можешь не сомневаться. Даже на то, что полгода на складе лежит.

— У нас так же было.

Отец коротко глянул на него и вернулся взглядом к дороге.

— Везде так.

На этот раз молчание продержалось недолго.

Отец заговорил о поставщике, который уже дважды переносил доставку. Кей спросил, какие блоки они заказывали. Выяснилось, что с такими он работал.

До конторы они успели обсудить разъёмы, неудобные корпуса и одну модель оборудования, которую оба считали неудачной.

Внутри пахло кофе, бумагой и нагретой электроникой. Кей остановился у входа.

Здесь многое изменилось. Появились новые шкафы, столы стояли иначе, возле стены громоздились коробки. Но узкий проход в глубину помещения почему-то сразу показался знакомым.

За ближайшим столом женщина подняла голову от монитора.

— Саша, тебе звонили из...

Она увидела Кея и замолчала.

Потом лицо её расплылось в улыбке.

— Кей? Вот это да.

— Здравствуйте.

— Какой ты большой стал.

Кей сдержанно улыбнулся.

Отец уже снимал куртку.

— Люда, его оформить надо.

— Оформим. Проходи, чего встал.

Она отодвинула со стула папку и жестом пригласила Кея сесть.

— Я тебя вот таким помню. Ты здесь под столом бегал, даже голову не пригибал.

Кей взглянул на стол.

— Кажется, теперь не получится.

— Теперь только стол унесёшь вместе с собой.

Люда засмеялась, разглядывая его с той бесцеремонной теплотой, на которую имеют право только люди, знавшие тебя совсем маленьким.

На повязке её взгляд задержался, но спрашивать она не стала.

— Документы с собой?

Кей достал всё, что требовалось.

Начались анкеты, подписи, уточнения. Люда быстро переключалась между окнами на компьютере, отвечала на звонки и при этом успевала спрашивать, давно ли он вернулся домой и как Мира.

— Мама нормально.

— Это хорошо. Передавай ей привет.

Из соседнего помещения выглянул мужчина.

— Люд, накладная на вчерашнее где?

— У тебя.

— У меня нет.

— Роман, я тебе её лично отдала.

Тот заметил Кея.

— А, пополнение.

Кей поднялся поздороваться.

Роман пожал ему руку и тут же оглянулся на коробки у стены.

— Раз уж всё равно здесь стоишь, потом поможешь это к выдаче перенести. Только сначала подпиши всё, а то Люда нас обоих съест.

— Совершенно верно, — сказала Люда, не отрываясь от экрана.

С остальными знакомились уже между делом.

Дина сидела за компьютером, склонившись над схемой. На приветствие обернулась, назвала своё имя и спросила у отца, когда ей наконец пришлют точные размеры с объекта.

Серик застёгивал сумку с инструментами.

— Я быстро, — сообщил он кому-то по телефону. — Там работы минут на двадцать.

— Тогда к обеду жди, — отозвался Роман.

Серик показал ему свободной рукой что-то не вполне веж-

ливое и вышел.

Во дворе Вадим перекладывал оборудование в служебную машину, придерживая зубами недоеденную булочку. Чтобы поздороваться, ему пришлось сначала освободить руку, потом рот.

Знакомство с основной группой монтажников прошла в такой спешке, что Кей даже не успел запомнить их лица, не то, что имена.

Рустам ждал возле другого автомобиля.

Крупный, с обветренным лицом и спокойным взглядом, он выслушал Александра, посмотрел на Кея и кивнул.

— Инструмент получил?

— Ещё нет.

— Пойдём подберём.

Отец задержал Кея на секунду.

— Если устанешь — скажешь.

— Скажу.

Кей приготовился к продолжению, но его не последовало.

На первом объекте Рустам начал с вопросов.

С каким оборудованием работал. Что обычно ремонтировал сам. Что приходилось менять целиком. Пользовался ли такими измерителями, видел ли подобные блоки питания.

Кей отвечал.

Рустам слушал без одобрительных восклицаний, иногда уточнял что-нибудь и шёл дальше.

— А этот знаешь?

Кей посмотрел на открытый шкаф.

— Более старую версию. У нас таких несколько оставалось.

— Здесь старая начинка, корпус новый.

— Зачем?

— Хороший вопрос. Если найдёшь того, кто это придумал, спроси.

Работа мало отличалась от прежней.

Те же шкафы, кабели и разъёмы. Те же жалобы, из которых сначала нужно было понять, что именно перестало работать. Та же привычка проверять очевидное прежде, чем разбирать половину системы.

Пока Рустам осматривал оборудование, Кей раскладывал инструмент и помогал с измерениями.

— Что думаешь? — спросил монтажник.

Кей посмотрел на показания.

— Я бы питание под нагрузкой проверил. На холостом может держать.

Рустам протянул ему прибор.

— Проверяй.

Кей присел возле шкафа.

На некоторое время всё остальное отступило.

Здесь неисправность можно было измерить. Найти плохой контакт, проследить цепь, сравнить показания. Даже если причина оказывалась не там, где ожидал, это всё равно

была причина, а не расплывчатая тень возле чужой головы.

На следующем выезде Рустам уже не стоял у него над плечом.

Показал особенности объекта, объяснил, где обычно возникали проблемы, и оставил разбираться с одним из узлов, пока сам занялся другим.

Кей закончил и позвал его проверить.

Рустам посмотрел, задал пару вопросов.

— Нормально.

После паузы добавил:

— В отчёт только всё запиши. Я эту писанину терпеть не могу.

Дни постепенно обрели порядок.

Утром — дорога с отцом. Контора, заявки, оборудование, выезды. Иногда обед удавалось съесть за столом, иногда приходилось перекусывать между объектами.

Кей привык к голосам, к расположению инструмента, к тому, что Роман способен вручить новую задачу человеку, который зашёл всего лишь вернуть отвёртку.

Рустам всё чаще говорил:

— Это сам посмотри.

И всё реже перепроверял каждый шаг.

По вечерам Кей возвращался домой уставшим, но эта усталость была понятной. С ней хотя бы можно было лечь спать.

С теньями становилось сложнее.

Когда он сдвигал повязку, они уже не казались бесформенными пятнами.

Сначала в них проступили отдельные линии.

Кей решил, что просто начал лучше различать увиденное. Как со сложной схемой: поначалу видишь путаницу, потом глаз учится выделять знакомые элементы.

Но знакомыми эти элементы были лишь отчасти.

Он пытался зарисовывать их на телефоне в блокноте и стирал. Смотрел снова. Пытался понять, почему изображённое так мало похоже на то, что он видел.

Линии изгибались, переплетались. Между ними угадывались утолщения, кольца, мелкие сцепленные части.

Что-то похожее на провода.

Что-то — на трубки.

Однажды Кей отчётливо различил возле чужого виска несколько деталей, напоминавших шестерёнки.

Он так резко остановился, что идущий следом человек едва не налетел на него.

— Осторожно!

— Извините.

Кей отошёл к стене и закрыл глаз.

Сердце билось чаще обычного.

Теперь ему уже трудно было называть это просто теньями.

До рун он добрался поздно вечером.

Очередная ссылка привела к обсуждению старой письменности. Кей собирался закрыть страницу, но задержался на изображении.

Палочки и точки.

Разные наклоны, короткие поперечные штрихи, группы отметин рядом с основными линиями.

Он такое уже видел.

В школе.

На одной из страниц учебника были приведены образцы письма, которым пользовались около тысячи лет назад. Тогда Кей посмотрел на них примерно с тем же интересом, с каким смотрел на даты очередных переселений: запомнить до урока и забыть.

Теперь прочитал подпись внимательнее.

На форуме утверждали, что письменность имела ещё одно назначение.

Ею якобы можно было не только записывать слова.

Кей пролистал ответы.

На этот раз обещали вполне конкретные вещи. Не улучшение судьбы, не притяжение удачи и не какие-нибудь незаметные потоки благополучия. Авторы говорили о воздействии, которое можно увидеть и проверить.

Настоящая магия.

Кей откинулся на спинку стула.

— Ну конечно.

Но страницу не закрыл.

У него уже было достаточно вещей, которых не должно существовать.

В выходные он освободил стол.

Возможностей блокнота в телефоне стало не хватать. Поэтому в один из походов в магазин Кей приобрел блокнот, стопку бумаг и ручку. Сейчас они оказались как нельзя кстати. Кей положил их перед собой. А рядом поставил телефон на подставку и открыл примеры рун. Начал перерисовывать знаки.

Система выглядела обманчиво простой.

Несколько линий. Точка с одной стороны, две с другой. Изменить наклон, соединить элементы — получить другую комбинацию.

Объяснения противоречили друг другу.

Одни авторы настаивали на точности начертания. Другие уверяли, что форма вторична. Третьи ссылались на утраченные правила и тут же предлагали собственные.

Кей пробовал по очереди.

Чертил на бумаге.

Повторял движения рукой в воздухе.

Сосредотачивался так старательно, что начинала болеть переносица.

Ничего.

На листе оставались палочки и точки. В воздухе не оставалось даже их.

Он положил перед собой маленький обрывок бумаги и попробовал ещё одну комбинацию.

Обрывок не шелохнулся.

Кей подул.

Тот съехал к краю стола.

— Вот. Работает.

Он с раздражением отложил ручку.

Через полчаса взял снова.

Чем хуже получалось с рунами, тем отчётливее становились чужие механизмы.

Однажды на улице Кей заметил, что от одного из них что-то тянется вверх.

Тонкая линия почти терялась на фоне дома. Он проследил за ней взглядом, поднял голову.

Выше.

Ещё выше.

Она уходила в небо.

Кей снял повязку совсем.

Над улицей висели мутные пятна. Далёкие, неясные, слишком большие, чтобы понять их очертания. Тонкие нити терялись где-то возле них.

Он моргнул, прикрыл левый глаз.

Обычное небо.

Открыл.

Пятна вернулись.

Облаками они не были.

Кей долго стоял, запрокинув голову, пока от этого не заболела шея.

В один из вечеров они с отцом вернулись чуть позже обычного.

Мать уже ждала с ужином.

За столом говорили о работе. Вернее, отец рассказывал, почему задержались, а Кей иногда добавлял детали. Он сам не заметил, как это стало получаться: коротко ответить, уточнить, согласиться там, где раньше обязательно хотелось возразить.

Из прихожей донёсся шорох.

Кей поднял голову.

На лестнице мелькнула Рика.

Она прошла к вешалке и сняла кожаную куртку. На ней были джинсы и что-то, чего Кей со своего места толком не рассмотрел. Зато макияж увидел сразу, когда она повернулась к свету.

Он встал и выглянул из кухни.

— Ты куда так нарядилась?

Рика замерла с рукой в рукаве.

— А тебя это не должно волновать.

— Я просто спросил.

— А я просто ответила.

Она одёрнула куртку, посмотрела на телефон и быстро

убрала его в карман.

В движениях чувствовалось нетерпение. Рика явно спешила, но при этом хмурилась, словно ещё до выхода успела с кем-то поругаться.

— Я ушла.

Дверь хлопнула раньше, чем Кей придумал, что ответить. Он постоял в прихожей и вернулся на кухню.

Мать смотрела в свою тарелку.

— Больше месяца дома просидела, — сказала она. — Я уже удивляться начала.

— В смысле?

— Раньше всё куда-то бежала. То к своему парню, то ещё куда-нибудь. А тут никуда почти не выходила.

Кей сел, но за вилку не взялся.

Через несколько минут мать поднялась к окну.

Посмотрела вниз и поманила его рукой.

— Вот.

Кей подошёл.

Двадцать первый этаж по меркам их дома был невысоко. Двор просматривался хорошо: дорожки, припаркованные машины, люди возле подъезда.

Чуть в стороне стояла группа мотоциклистов.

Кей заметил Рiku, когда она выбежала из-под козырька.

Она направилась прямо к ним.

Один из парней повернулся ей навстречу. Остальные словно оставили им немного места, хотя никто специально

не отошёл.

Рика остановилась перед ним.

Что-то сказала.

Парень ответил.

Слов с такой высоты было не разобрать, но жесты говорили достаточно. Она резко повела рукой, он подался к ней, ответил ещё что-то. Рика отвернулась, потом снова посмотрела на него.

Кей упёрся пальцами в подоконник.

— Это он?

— Похоже, — тихо ответила мать.

Внизу парень уже садился на мотоцикл.

Рика ещё немного постояла рядом, затем устроилась позади него.

Один за другим мотоциклы выехали со двора.

Кей провожал их взглядом, пока последний не скрылся за углом.

Глава 6.

Рика долго не могла уснуть.

Лежала на боку, потом на спине. Переворачивала подушку, сбрасывала одеяло и через несколько минут снова натягивала его на плечи.

От пива осталось неприятное послевкусие. Сигарета тоже не помогла.

Обычно после них мысли немного притуплялись, становились тише. Сегодня — нет.

Прости.

Надо же.

Пять лет молчал. А теперь пришёл на кухню и сказал.

Рика перевернулась к стене.

Она столько раз представляла, как выскажет ему всё. Про тот вечер. Про его уход. Про то, что он даже не заглянул к ней в комнату, прежде чем исчезнуть из дома.

В этих воображаемых разговорах слова находились сразу. Точные, злые, такие, чтобы ему тоже стало больно.

А когда он наконец попросил прощения, она только хмыкнула.

Ему стыдно стало.

Рика зажмурилась.

Снова увидела его в дверях: худого, растерянного, с этим страшным белым глазом. Вспомнила, как он запнулся. Как стоял и ждал ответа.

Злость никуда не делась.

Но теперь рядом с ней появилось что-то ещё, и от этого было гораздо хуже.

Когда Рика была маленькой, брат знал всё.

Во всяком случае, ей так казалось.

Он умел объяснить, почему гудит что-то за стеной, откуда берётся свет в лампочке и зачем взрослые говорят одно, а делают другое. Последнее он объяснял особенно уверенно, хотя сам ещё был ребёнком.

А лучше всего Кей рассказывал истории.

Садился рядом с ней, раскрывал книгу и читал. Иногда прекращал смотреть на страницу и продолжал своими словами.

Тогда становилось ещё интереснее.

Герои обретали разные голоса. Леса шумели, башни вырастали до самого неба, а за дверью их комнаты вполне мог прятаться кто-нибудь заколдованный.

— А дальше?

— Завтра.

— Ну ещё чуть-чуть.

Кей делал вид, что ему ужасно надоело, но обычно рассказывал ещё.

Рика любила смотреть на его руки. Когда он увлекался, то начинал показывать, как летела стрела, как открывались ворота или как волшебник чертил в воздухе знак.

Ей казалось, если повторить правильно, тоже что-нибудь получится.

Она повторяла.

Кей смеялся.

Потом у него появились друзья.

Сначала ничего особенно не изменилось. Рика всё так же бежала следом, просилась с ними, тянула брата за рукав.

Но всё чаще слышала:

— Не сейчас.

Или:

— Ты ещё маленькая.

Или просто:

— Рик, отстань.

Она ждала следующего раза.

Следующий раз всё время откладывался.

Потом Кей нашёл подработку. Начал возвращаться уставшим. Книги лежали на полке, иногда с закладкой на одной и той же странице по нескольку недель.

— Расскажешь что-нибудь?

— Не сегодня.

Постепенно Рика перестала спрашивать.

В детском саду ей ещё удавалось находить тех, кто соглашался играть в её истории. В школе всё оказалось иначе.

Там слишком быстро научились говорить:

— Врёшь ты всё.

Рика пыталась объяснить, что это можно представить. Что она не утверждает, будто всё было на самом деле.

Но её уже не слушали.

Она стала читать сама.

Брала книгу, закрывала дверь и уходила туда, где странности означали начало приключения, а не повод смеяться над тобой. Иногда читала до утра. Потом сидела на уроках сонная и ждала, когда можно будет вернуться к оборванной странице.

А в тринадцать лет встретила Тэда.

Ему было шестнадцать.

Он был крепким, красивым и держался так, словно никто не имел права решать за него. Смеялся громко, отвечал дерзко, первым лез туда, куда остальные только заглядывали.

Рика смотрела на него и узнавала всё, что любила в книгах.

Смелость.

Решительность.

Способность сказать: «Пойдём», — и действительно пойти.

Рядом с ним любое дурацкое занятие казалось приключением.

Они бродили по заброшенным зданиям, искали проходы в заколоченных оградах, спорили, кто первым доберётся до верхнего этажа. Иногда затевали что-нибудь совершенно бессмысленное, потом убегали, задыхаясь от смеха, и ещё несколько дней вспоминали, как всё получилось.

Рику брали с собой.

Это было важнее всего остального.

Здесь её не просили подождать дома.

Первую сигарету она попробовала в их компании. Закашлялась, рассердилась на собственные слёзы и сделала ещё одну затяжку.

Потом был алкоголь.

Потом краска для волос.

У кого-то уже были проколоты уши в нескольких местах,

у кого-то — бровь. Рика разглядывала украшения, спрашивала, больно ли, и вскоре начала придумывать, что сделает себе.

Дома начались разговоры.

В школе — тоже.

Но теперь у неё было куда уйти.

Тот вечер с Кеем она помнила слишком хорошо.

Не всё подряд. Отдельные мгновения.

Его лицо, когда он увидел сигарету.

Голоса вокруг, внезапно стихшие.

Пальцы на запястье.

Ей до сих пор хотелось вырвать руку, стоило об этом подумать.

Он говорил при всех. Кричал. Тащил её, как маленькую, которую поймали за какой-то гадостью.

И самое страшное — она заплакала.

Пыталась не плакать, ненавидела себя за это, но слёзы всё равно текли.

После того вечера Рика перестала даже надеяться, что брат её поймёт.

А через год он ушёл.

Она слышала их с отцом ссору. Потом хлопнула дверь.

Кей к ней не зашёл.

Рика долго ждала, что он напишет.

Не написала первой.

Потом ждать стало унижительно, и она решила, что больше не ждёт.

В его уходе был виноват отец. Рика знала это с той непоколебимой уверенностью, которая не требовала разбираться в подробностях. Он давил, требовал, вечно знал, как правильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.